

ЕВГЕНИЯ
ПОТАПОВА

Ведьма Агнета

Практическая магия и нечисть
по соседству

Романы Рунета

Евгения Потапова

**Ведьма Агнета. Практическая
магия и нечисть по соседству**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Потапова Е. В.

Ведьма Агнета. Практическая магия и нечисть по соседству /
Е. В. Потапова — «Издательство АСТ», 2023 — (Романы Рунета)

ISBN 978-5-17-159483-1

С последних приключений Агнеты прошло не так много времени, а жизнь шла своим чередом. Женщина продолжала обживать в новом доме, ремонт затеяла, машину нашла в гараже и личную жизнь вроде как устроила. Да только помимо приятностей, появились и неприятности. Призраки из прошлой городской жизни, новые недруги, незваный гость в доме и завистницы. Но и Агнета не промах, все чаще гадает, порчу снимает, ритуалы совершает, – делает все что положено обычной деревенской колдунье. Кто знает каким приключением для нее это обернется на этот раз? Продолжение любимейшей истории о необычной городской ведьме в деревне

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159483-1

© Потапова Е. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Встреча с приятельницей	6
Трудовые будни	9
Шишок	11
Чаепитие	14
Кто к нам с пирожком придет, тот пирожком и получит	17
Алеша	22
Все идет своим чередом	24
Пасха	27
Отпраздновали	30
Добрая родственница	33
Черт и волк	36
Понедельник – день тяжелый	38
Сирень	41
Ожидания и волнения	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгения Потапова

Ведьма Агнета. Практическая магия и нечисть по соседству

© Е.В. Потапова, текст, 2023

© Издательство АСТ, 2023

Встреча с приятельницей

Жизнь продолжала идти своим чередом, и я обживалась в новом доме. Спать улеглась на своем любимом диване, привезенном из городской квартиры. Всю ночь кто-то ходил по комнате, отодвигал ящики в комод, открывал и закрывал дверь в шкафу, охал и стонал, шаркал ногами. Это была плохая идея ночевать в комнате, которая использовалась в качестве гостевой для потока страждущих.

– Ты чего там шарисься? – спрашиваю кого-то невидимого в темноте.

Притих, притаился, а потом уселся у меня в ногах и снова давай вздыхать. А мне самой вот прямо нехорошо делается, дурно, тошно и на душе так муторно. Зря я дверь в комнату закрыла, надо было Прошу пустить, с ним спать. Он хоть и половину дивана занимает, но такой замурчательный.

Хотела встать, а не2что меня за ноги держит и не пускает. Вот так здрасьте, приехали, это еще что за новости. Так оно мало того, что на ноги навалилось, так еще и выше заваливаться стало. Уже половину туловища я не чувю. Это вот как понимать? Слышу, с той стороны двери Проша скребется, дверь пытается открыть. Нечто невидимое уже и до груди доползло, не дохнуть, не выдохнуть, и сказать я уже ничего не могу, только мычу нечленораздельно. Так это существо еще принялось меня душить.

Котyra уже мой со всего размаха дверь в комнату выбивает, видно, разбегается, и прыгает на нее. Она, как заколдованная, с места не сдвинется, хотя открывается вовнутрь. Он там уже за дверью и орет, и воет, и скребется, и всей своей тушей ее атакует.

Существо меня душит, а я пытаюсь его увидеть и выкарабкаться из-под него. Тут перед своим лицом вижу рожу, на животное похоже, пасть собачья огромная, а глаза, как у человека, весь волосатый и лапы с длинными пальцами и когтями. Как только он передо мной показался, так я и руки смогла высвободить. Хвать его за пасть и от себя отгалкиваю.

– Ах, ты же су-у-ка, а ну пшел отсюда, – еле выдавила из себя с хрипом и тяжестью в горле.

Тут и Проша смог в дверь пробиться. Существо отскочило от меня на пол и сцепилось с котом. Визг, писк, дикие кошачьи вопли, звуки борьбы.

– Мам, что у тебя тут происходит? – в дверях появилась Катюшка.

– Кот, видно, крысу большую поймал, – ответила я, тяжело дыша.

Сущности, видно, отвлеклись на мою Катерину и прекратили драться. Нечто куда-то ускользнуло и пропало из поля видимости.

– Мам, я боюсь. Какого размера эта крыса была, что Прошка с ней боролся? А Маруська наша где? – спросила дочь.

Из-за косяка двери появилась испуганная и хитрая собачья мордочка. Обычно она спит со мной в комнате, а в этот раз не захотела вместе со мной заселяться в новую спальню, а преспокойно дрыхла в зале. Я как могла, успокоила дочь и уговорила ее отправляться спать. Сама же собрала подушки и одеяла и ушла на диван в большую комнату, оставаться здесь мне не хотелось. Рядом на диване устроился Проша – охранять мой покой и сон. На полу расположилась Маруська. Так мы и уснули в теплой компании.

Утром встала рано, надо было сгонять к маман. Она звонила накануне, снова жаловалась, что есть ей нечего и лекарства кончились. Собрала в контейнеры готовую еду и отправилась на автобус. День у мамы прошел, как всегда, ничего особенного и выдающегося не случилось.

Когда была у нее, позвонила давняя приятельница Нинок. Мы с ней особо не дружим, только иногда общаемся, когда ей скучно или у нее что-то случилось. Когда-то давным-давно наши дети ходили в один художественный кружок. Потом Нина переехала, и наша дружба сошла на нет, но все же иногда списываемся и созваниваемся. Она предложила мне встретиться и поболтать, дескать, давно не виделись. Договорились увидеться в парке в центре города.

Нинок совмещала приятное с полезным, выгуливала младшего сына и разговаривала с какой-то молодой женщиной или девушкой. Барышня была одета во все черное, какие-то балахонистые юбки с кружевами, массивные ботинки с цепями и шипами, черная блузка с прозрачными рукавами. И просто невообразимое количество разнообразных амулетов и браслетов всех конфессий и религий. Мадам также отличалась жутким макияжем: темно-коричневая, почти черная помада, такие же тени и наращенные ресницы. Волосы цвета вороного крыла были распущены по плечам.

Нинок увидела меня и помахала рукой, что-то сказала готической леди. Та осмотрела меня с ног до головы и слегка скривила губы, ну да, не надела я сегодня огромную черную юбку, да и раскраски боевой на лице не наблюдалось, только легкий макияж.

– Привет, Агнета, это вот Елизавета, потомственная ведьма, – представила нас Нина.

– Здравствуйте, очень приятно, – улыбнулась я.

– Взаимно, – ответила та и протянула руку с черным маникюром в знак приветствия.

– Ой, простите, сейчас такая ситуация в стране, а я только из автобуса, руки никому не пожимаю, – убрала я руки за спину.

Она лишь усмехнулась.

– Агнета, Елизавета поможет тебе с твоей ситуацией с мужем, – начала Нинок.

– Нин, да я вроде совета не спрашивала и помощи не просила, да и все у меня сейчас в порядке, – удивилась я на приятельницу.

– Не бывает в жизни все в порядке. Ниночка мне сказала, что у вас муж – тот еще ходок. Чтобы обезопасить себя на будущее, его можно приворожить, или наградить половым бессилием, или поставить на него морок, чтобы бабы к нему не лезли, а можно и себя красивой сделать, – начала говорить Елизавета.

– Это как же себя можно красивой сделать? Я вроде еще пока ничего так, – удивилась я.

– Ну вот именно что вы – ничего так, а могли быть как Анджелина Джоли, – продолжала Елизавета.

«Ну что же ты себя-то красавицей не сделала, чудище лесное», – подумала я.

– Меня моя внешность вполне устраивает, – улыбнулась я.

Девушка начала сердиться, замолчала и поджала губы.

– Вот пока ты тут сидишь и о своей красоте лясы точишь, там твой мужик другую имеет, и дальше иметь будет, пока что-нибудь не предпримешь, – зло сказала она.

– Ну на здоровье, главное, чтобы им хорошо было и контрацепцией пользовались. – Ее злость начинала меня забавлять.

– Ее Ольга зовут, – сказала она и прищурилась, пытаясь поймать эмоции на моем лице.

– Как ее зовут, и куда ее зовут, меня не особо волнует, – я улыбнулась.

Позади барышни висел то ли демон, то ли сущность, которая чем-то напоминала индийскую богиню Кали, в ее жутком воплощении. Чудовище вывалило язык, вытаращило глаза, имело фиолетовый цвет кожи и ожерелье из человеческих черепов. Одной из своих рук оно управляло девицей, как кукловод марионеткой.

– Тебе просто нужно подумать хорошенько. – Она внимательно посмотрела на меня и взмахнула рукой, делая какой-то знак пальцами.

Тут подбежал Нинин сынишка. Девица поправила на нем рубашку сзади, и по ее руке в пасть к демону побежал небольшая пушинка-стусток. Нина что-то шепнула сыну и отправила его дальше играть в песочнице с другими детьми. Ребенок не добежал, споткнулся и упал. Ударился носом об небольшой бордюр, отчего у него хлынула кровь. Нина вскочила и побежала к сыну.

– Вот видишь, что я умею, – гордо сказала девица.

– Поздравляю, – ответила я. – Мне идти надо.

Я встала со скамейки и подошла к Нине.

– Нинок, я пойду, у меня автобус через сорок минут. Жаль, не пообщались. Ты береги себя и ребенка, и фильтруй свое окружение, пока не завязла в этом, – сказала я и отправилась по аллее к выходу из парка.

– Подожди, – крикнула вслед мне девица.

Я приостановилась. Она подобрала все свои юбки и побежала ко мне, сунула в руку мне визитку.

– Вот, если надумаешь приворот сделать или порчу какую, звони, ну или пиши, там все указано. Я все умею. – И она подмигнула мне.

– Давай пока. На автобус опаздываю. – Махнула ей рукой и отправилась на автобусную станцию.

Выходя из парка, порвала и выкинула ее визитку в мусорку, еще этого добра мне не хватало.

Трудовые будни

На автовокзале встретила Петра. Он обрадовался встрече, снова меня благодарил за дочку. Девочка идет на поправку, сама уже ходит, правда, ей пока тяжело, много отдыхает, тихая стала. С подружками не общается, только с младшей сестрой. Отдал мне два больших пакета с пчелопродуктами, в одном был воск, а в другом все остальное, что я просила. Говорит: «Сегодня собирался к вам заехать, а телефон дома забыл, а вот все само собой и получилось, и нас судьба свела». Поговорили с ним, взяла с него обещание, что мой номер и адрес давать никому не будет. Села в свой автобус и отправилась домой.

Пока ехала домой, на вайбер пришло несколько сообщений от разных заказчиков, всем требовались статьи и притом вот прямо вчера. Ответила, что у меня теперь другие расценки, повысила цену на десять процентов, не так уж и много, но итоговая стоимость будет для меня поприятней. Один сразу отвалился, сказал, что у меня конский ценник, другой начал торговаться. Ответила, что эта стоимость для него такая, для других она выше на двадцать процентов. Успокоился, обещал скинуть предоплату и техническое задание.

Оставшиеся двое были согласны и сразу перевели деньги на карту, сказали, что выслали на электронку ТЗ. Значит, буду работать три дня, не поднимая головы. Надо еще сегодня с интернет-магазином разобраться, а то вчера за шмотками ездила, сегодня к маме. В прошлый вечер только пару часов удалось поработать, за такое по головке не погладят, могут и попросить освободить место. Хоть оплата не великая, но она стабильная и официальная. Надо будет попросить надбавки, за интернет, за электричество и амортизацию ноута.

С такими мыслями приехала домой. Навстречу вышла Катюшка.

– Мам, там в той комнате творится что-то невообразимое, шум стоит постоянный. Я заходить туда не стала, мне страшно, – испуганно сказала дочь.

Я открыла дверь в спальню и ахнула, все вещи из комода были выкинуты и разбросаны по полу и дивану. Ящики валялись на полу. Двери шифоньера открыты, но там все было на месте. Странно, барабашка не тронул шкаф, только дверцы пооткрывал. Барахло собрала и убрала в шкаф в зале. Ящики подобрала и вынесла в коридор, туда же выкатила комод. Пока все убирала, в комнате было тихо. Убиралась и ругалась на безобразника. Как только я закрыла дверь, там опять шумно стало. Открываю, все на месте и тишина.

Прошлась со свечкой по всем углам. Кто-то усиленно пытался ее задуть, прямо чувствовалось, как поток воздуха идет с того места, где нет сквозняков. Вот ведь какой мелкий пакостник. Оставила свечку догорать в середине комнаты. Поставила ее в железный таз на всякий случай и ушла есть готовить. Через полчаса захожу, а свеча потушена и сплюснута сверху, как будто на нее кто-то с силой надавил. Значит, не нравится. На двери нарисовала защитные руны и закрыла комнату, пусть там сидит тихо и не рыпается. Будет время – займусь.

Вечером было тихо. Я работала, Катюшка рисовала, все были заняты своими делами. Иногда отвечала на Сашины сообщения. Он вечером забежал увидеться, сказал, что у него дел много, маме нужно помочь и брату на ферме. Поболтали, помиловались и каждый разбежался по своим делам.

Позвонила Нине узнать, как там Кирюшка. Она сказала, что после прогулки у него температура поднялась, и нос сильно отек от удара.

– Нинок, ты бы гнала эту Елизавету поганой метлой. Видишь, какой у нее глаз нехороший, ребенка сглазила. Сказала, какой он хорошенький, и мальчишка тут же упал носом в землю, – дала совет приятельнице. – И температура эта неспроста. Точно сглазила.

– Ой, я даже и не знаю, мне ее Эльвирка порекомендовала, как хорошего специалиста.

– А на кой ляд тебе такой специалист понадобился, и зачем ты ее на нашу встречу притащила? – поинтересовалась я: Нинок явно что-то не договаривала.

– Ну, она обещала мне скидку, если я приведу клиента, – ответила она виновато.
– Вот, блин, и сюда сетевой маркетинг докатился, приведи друга и получи порчу в подарок, – хохотнула я. – Агенты «Орифлейм» переквалифицировались в ведьм.
– Ну зачем ты так, – обиделась Нина.
– Кого привораживаешь или порчу наводишь? – продолжала пытаться приятельницу.
– Мужа от пьянства лечу, задрал уже пить в гараже с приятелями.
– Ну, разгони всех, у вас гараж к дому пристроен, считай, что они у тебя дома прибухивают. У тебя дети на это все безобразия смотрят, – посоветовала я.
– Ой, я не знаю, неудобно как-то, – ответила она.
– Неудобно, Нина, по всяким колдовкам непонятным ходить, а свой дом ты должна отстаивать всем своим существом. И еще, большая просьба ни с кем без моего разрешения меня не сводить, – отчитала я Нину.

– Хорошо, я хотела сделать, как лучше, – обижено ответила она.
– Ладно, все, проехали. Пацана умой проточной водой. Если есть, то лучше святой, и вытри подолом своей ночной рубашки или в чем ты там спишь. Будешь умывать, скажи: «Водичка, водичка, умой Кирюшкино личико, чтобы хворь убежала, и болезнь пропала, от глаза дурного и медведя хромого». Говори эти слова, пока его умывать будешь.

– Ой, Агнета, ну что это за бабкины сказки, и, вообще, при чем тут медведь хромым.
– Медведь к слову пришелся, в рифму, так сказать. Ты же ничего не теряешь, если ребенка так умоешь? А насчет бабкиных сказок, – кто бы говорил, – поцокала я языком.

Поговорили с ней еще минут двадцать о всяком о разном и распрощались. Под конец разговора наказала ей, чтобы к ребенку девку эту не подпускала.

Снова работа, до самой ночи, пока глаза не стали слипаться и мозги соображать. Никто мне денег в клювике не принесет, все сама, сама. И так я считаю, что хорошо живу, коммуналка маленькая, по сравнению с квартирой, продукты практически не покупаю, что-то от бабушки осталось, а что-то бартером принесли. Счастливый я человек, ни мята, ни клята, никому ничего не должна, и даже вон барабашка в комнате притих, мстю страшную, наверно, замышляет.

Ночевала в зале, там практически ничего не слышно. Ночью он не шумел. Утром в комнату зашла, все на своих местах, может, убрался в другое место. Проша эту комнату не любит, не заходит совсем. Снова весь день в работе, надо наверстывать упущенное. От напряжения разболелись пальцы и кисть. Решила часик передохнуть, чтобы потом не передохнуть (нравится игра слов).

Спустилась в подвал в свою «секретную лабораторию». Разложила по полочкам все, что Петр принес. Пересчитала запас свечей, мало осталось. Нашла тетрадки с записями, как их готовить. Почитала. Выудила воскоплавку, нитки, формы для свечей разных размеров и принялась творить. Все делала по инструкции, такое удовольствие получила от возни с воском. Все же он намного приятней, чем парафин, а пахнет как удивительно. Все залила, поставила застывать. Надо было еще партию с травками сделать. В другой раз с ними попробую.

Захватила из подвала пару веничков с полынью и чертополохом. Развесила по комнате с барабашкой. Пусть «порадуется», посмотрит, как я о нем забочусь. В блюде налила молока и поставила его на пол для воинствующего гражданина, еще положила парочку шоколадных конфет. Через час зашла в комнату. Конфеты некрасивыми пятнами по стенам размазаны, а молоко по полу разлито мелкими каплями, словно его в рот набирали и разбрызгивали везде. Полы вытерла, пятна на стенах пыталась затереть.

Ночью в комнате двигалась мебель, что-то ронялось и падало. Кто-то топал и охал, стучал в дверь. Специально ведь делает, чтобы мы нормально не спали. Дочь пугает. Она ко мне в зал перебралась, там слышно меньше и ей не страшно со мной. Вот террорист проклятый, покажу я тебе завтра кузькину мать, не хочешь по-хорошему, получишь по самое не балуйся.

Шишок

Утром попыталась зайти в комнату, но с той стороны что-то не давало открыть дверь. Товарищ, видно, там совсем забаррикадировался. Особо в спальне ничего нет, но все же имеется диван, в котором спрятаны новые обои и новогодние игрушки, да шкаф с бабушкиными новыми вещами, которые приносятся периодически.

Во время завтрака мы с дочерью слышали, как в комнате двигается мебель. Деловой товарищ. Катя от страха елозила по стулу и посматривала на меня, я не показывала вида, что мне тоже неуютно с пришельцем. Надо сказать, стада мурашек с промежутками в десять секунд пронеслись от затылка до пяток, а потом обратно возвращались и шевелили волосы на голове. Но я старалась сохранить спокойствие ради дочери.

– Мам, можно я к Насте схожу? – спросила Катюша.

– Иди, только телефон возьми с собой, и сначала Насте позвони, нужна ты там или нет. Вдруг они вещи собирают, уезжать же собирались, – ответила я, а сама думала, что же делать и куда бежать.

Дочь схватила телефон и убежала на улицу звонить Насте, но не успела, девочка сама пришла за молоком. Я отдала ей полторашку, и они с Катюшкой отправились к ней в гости. Ну, вот хоть ребенок у меня немного отдохнет и развеется, а я попробую повоевать с незванным гостем.

Подошла к двери, толкнула. Она немного открылась, и я пролезла в образовавшуюся щель. Ё-моё, это чудо-юдо передвинуло шкаф в середину комнаты и диван к нему перетащило, сдернуло мои травяные веники и раздербанило их на составляющие. Все полы, диван, подоконник и, наверное, шкаф были усыпаны измельченной травой. Занавески ему тоже не понравились, и он их снял, вернее, сдернул вместе с карнизом. Вот негодник. Сейчас найду какой-нибудь ритуал и изничтожу тебя.

Собралась выходить, повернулась к двери, и тут диван поехал и перекрыл мне выход. Попыталась диван с места сдвинуть, а он намертво на месте встал. Травя с полу начала подниматься вверх, потом закружилась маленькими вихрями. В комнате появилось несколько таких травяных смерчей. Я бросилась к окну, но оно не открывалось, скорее всего, проделки такого же рода.

Хорошо, что додумалась взять телефон с собой. Когда вытаскивала из кармана, вместе с ним выпала визитка, подхватила ее на лету. Предполагаю, что если бы она коснулась пола, то либо исчезла, либо ее хулиганье порвало бы. На визитке было написано: «Бабка Матрена. Гадания и предсказания». Как хорошо, что я ее не выкинула. Стала набирать номер, написанный на визитке, но тут кто-то принялся тянуть у меня из рук телефон.

Ну вот дудки, я тебе аппарат не отдам, ишь какой хитрый, потянула его на себя. Чувствую, не отпускает, еще чуть-чуть, и смартфон упадет на пол или пропадет в цепких лапах. Врешь, не возьмешь, и со всей силы толкаю нечто, вернее, делаю такое движение рукой в воздухе. Оказалось, что ударила во что-то мохнатое и костлявое. Послышался звук, как будто кто-то упал. Успела набрать номер и нажать кнопку вызова, как на меня свалились штормы, и нечто попыталось меня в них замотать.

– Алло, бабушка Матрена, помогите, – ору в трубку. – Это Агнета. Да отлепись ты от меня, живность чумная, – отбиваюсь от существа.

Телефон все же выронила, надеюсь, она меня услышала. Чудо-юдо ухитрилось меня заперенать и уселось верхом. Столько отборного мата оно, наверно, ни разу не слышало за всю свою мохнатую дурную жизнь. Сидит и себе там похихикивает. И откуда ты взялось, чувырло волосатое. Я и ногами брыкаюсь, и высвободиться пытаюсь, а оно все никак с меня не слезет, еще мне пятки принялось щекотать. Вот явно чудо надо мной измывается да потешается. Вот

надо было сначала средство от него поискать, а потом уже во всеоружии к нему заходить. И тетушки эти ничего не подсказали, наверно, тоже сверху на меня смотрят и ухохатываются. Скажут, думать надо было головой, Агнета.

– Отвали уже, – дергала я ногами.

Не люблю, когда меня трогают, а особенно когда пытаются щекотать своими кривенькими лапками или чем там, не знаю. Вдруг он там не своими культяпками меня щекочет, а хвостом. Интересно, у него есть хвост, а рога у него имеются? В прошлый раз только странную собачью пасть разглядела, да лапу с длинными пальцами и когтями. Опять начала брыкаться и пытаться выпутаться из занавески. Вдруг слышу, кто-то по дому ходит. Стала орать, что я в комнате.

– А ну, ирод окаянный, отворяй ворота, бабка Матрена пришла, – гаркнул зычный голос из-за двери.

Я услышала, как диван начал отодвигаться от двери. Значит, ее слушается или боится.

– Ты где? – зашла бабулька в комнату.

– Тут, в занавесках завернута, – пропищала я.

Услышала бабкин хохот и почувствовала, как по комнате разносится табачный дым.

– У нас не курят, – промямлила я.

– Цыц, это дым волшебный, мне думать помогает, – ответила она и принялась меня разматывать.

Скинула я с себя занавески и вздохнула полной грудью.

– Скажи спасибо, что не придушил тебя, а только позабавился, – сказала Матрена. – А то бы мог занавесочку потуже и кирдык тебе, родная.

Бабулька дымила, как паровоз, оглядывая комнату.

– Ты где шишигу зацепила? – спросила она.

– Кого?

– Ну, барабашку, шишка, шишигу, – уточнила бабка.

– Не знаю.

– Они иногда в пустующих домах заводятся. Если бы он в твоём доме был, то ты бы с ним давно познакомилась. Вспоминай, сколько он у тебя уже, – пристала Матрена.

– С того дня, как я мебель из городской квартиры привезла, – ответила я.

– Ну вот он у тебя в мебели и прокатился. А так как ты добровольно ее вносила, то и ему препятствий не было. Вот только Маргаритины защиты его в этой комнате заперли, войти вошел, а выйти не может, вот и беснуется. Хотя он бы тогда во всем доме тебе «порядок» навел, – выдохнула порцию дыма бабушка. – Они так-то, шишиги, не особо злобные, хулиганы только страшные, но бывают, что совсем дичают и человеку тогда несдобровать. Питаются страхом, вот и пугают. Если злишься, то они сами этого боятся и пытаются еще сильнее запугать.

– Ну а как избавиться?

– А вот так, – сказала она и открыла настежь окна. – Иди туда, откуда пришел, забирай все, что с собою принес. Не задерживайся, да не останавливайся, убирайся и не возвращайся. Язык, ключ, замок, да будет так, как я сказала.

Заклинание она повторила несколько раз. Подул сквозняк, трава с пола поднялась, мимо меня кто-то проскакал и сиганул в окно. Матрена скептически оглядела комнату.

– Навел он тебе порядок, созорничал. Хорошо, хоть такой попался, есть шишиги, которые воду льют да все поджигают. Люди думают – это домовый, а это дух или бес одичавший, шишига, одним словом.

– Ну да, – сказала я, вытряхивая траву из волос.

– А что это у тебя на стенах нарисовано? – спросила она.

– Ну, ставы защитные какие-то, – ответила я и пожала плечами.

– А ты уверена? – Она внимательно посмотрела на меня.

– Я не проверяла. Это от Маргариты Семеновны еще осталось. Она, наверно, писала, – до меня начал доходить смысл ее слов, а на спине организовалась привычная компания мурашек.

– Я хоть и не спец в этих наскальных рисунках, но ты посмотри, некоторые руны стерлись, у некоторых потерялись какие-то части. Да и вообще у них срок действия имеется, когда они начинают работать в обратную сторону. Скажи спасибо шишке, что он тебе здесь спать не дал, а то неизвестно, чтобы ты тут заработала. К тому же Маргарита в них не разбиралась, так что сама думай, – сказала Матрена и снова выпустила кольцо дыма.

Я прикоснулась рукой к тому месту, где была нарисована вязь. Стена гудела, как будто в ней сидел рой пчел. Правильно говорят, все, что ни делается, все к лучшему.

– Скажи спасибо, что Марго поставила такую защиту, через которую ни один враг из комнаты не выберется.

– Спасибо, – машинально ответила я.

– Окно закрой, пока еще что-нибудь не залетело, – сказала Матрена.

Я закрыла окно, и мы с бабушкой Матреной вышли на улицу. На крылечке сидел бабушкин бесенок и кидался в Прошу козыми шариками, видно, специально набрал у коз в загончике. Тот лишь ушами потряхивал и следил за ним вполглаза. Чертенок посмотрел на выходящую из дома старушку, но дело свое хулиганское не прекратил, а остался сидеть на месте.

– Айда чай пить, – сказала бабушка Матрена, вытащила откуда-то носовой платок и выбила в него пепел из трубки.

Она отправилась в беседку, а я на кухню, ставить чайник.

Чаепитие

Пока на кухне грелся чайник, принесла чашки и оставшийся кусок пирога с капустой и яйцом, варенье в креманке, шоколадку, чайные ложки и блюдца. Бабулька набивала трубку новой порцией табака.

– Убери шоколадку, баловство это, дочери оставь, – она подвинула плитку к краю стола.

– Не любите? – спросила я.

– Не привыкшая. В деревне росла, нас у мамки семь штук было, о шоколаде мы слыхом не слыхивали. Иногда сахарные подушечки мать покупала, иногда отец сахарные петушки приносил с рынка. А потом его не стало, и даже про подушечки пришлось забыть. Когда сестры повзрослели и работать пошли, тогда у нас и карамельки на столе появились, а по праздникам шоколадные конфеты. Вот только отца-то уже не вернешь, да и детство прошло. А вот варенье я люблю, – она потянулась ложечкой к креманке.

Чертенку надоело его хулиганское развлечение, и он залез на плечо к Матрене и принялся ловить дымные кольца. Из них он лепил самолетики и мишек, цветочки и страшные рожицы. Тянулся своими лапками к ложке бабушки и ел, причмокивая и жмурясь, варенье. Ему очень тут нравилось.

– Пироги мне вот твои по душе пришлись. Давно не ела. Покупала вот в городе как-то пару раз, а с домашними все равно не сравнится. Сама я давно не пеку, для себя одной разве много надо, – сказала бабушка и откусила кусочек пирога. – Тебе повезло, что я сегодня себе выходной решила сделать, а то я на консультациях телефон отключаю.

– Спасибо вам. Откуда он взялся, этот шишок? – спросила я.

– Квартира, наверно, пустая стояла? Они любят пустое жилье, там начинают хозяйничать, живут там в свое удовольствие, даже мебель ставят, как им нравится, и картины со стен снимают и выбрасывают, если они по вкусу не пришлись. Видно, диван ему твой понравился, не захотел с ним расставаться, вот и поехал на нем или в нем в новый дом, – ответила она, прихлебывая чай и пуская кольца дыма.

– Да недолго-то она и стояла пустой, пару-тройку недель, может, – ответила я удивленно.

– Для них и этого достаточно, чувствуют они, что ли, что жилье заброшено.

– Ну вот дома напротив стоят, там теперь жить будет, – усмехнулась я.

– Наверяд ли, – улыбнулась бабушка и выпустила очередное кольцо дыма.

– Почему это? – удивилась я.

– Там за забором стоят два охранника, один твой, другой мой, такую добычу они не пропустят.

– Ой, сколько я вам должна за изгнание? – спохватилась я.

– Пять рублей, – засмеялась она и махнула рукой.

– Пять тысяч? – удивилась я.

– Нет, пять рублей, монетка такая. Раньше еще пятачок называлась, – она продолжала улыбаться, как-то хитро, по-доброму, как дедушка Ленин на картине «Ильич и дети».

Сходила в дом и принесла пятак.

– Вот, за работу рассчиталась, – положила перед ней монету.

Тут ее схватил бесенок и запихал себе в пасть. Я аж рот открыла и ахнула.

– Вот проказник, – засмеялась бабулька, – все, что плохо лежит, все в рот тянет.

Он потянулся за чайной ложечкой, но ее отобрала Матрена, и стукнула ею бесенка по лбу. Он обиженно потер его и отвернулся.

– Какой у вас забавный чертенок, – сказала я.

– Это коловерша. Помру, не знаю, куда он пойдет, – вздохнула она. – Они поодиночке не выживают. – Она почесала ему за ушком. – А ты чем зарабатываешь-то? Народу у тебя тут

нет, приемы не ведешь. Правда, Маргарита блаженная была, брала, что дадут, от денег иногда отказывалась. Сама еще народ кормила.

– Я сайт интернет-магазина заполняю, – ответила я.

– И сколько зарабатываешь?

– Пятнадцать тысяч, – сказала я и опустила глаза.

– Девка, ты чего, совсем ту-ту? – бабка постучала трубкой по столу.

– Ну нет. – Первый раз мне стало стыдно за свой заработок.

– Ты гадать умеешь? – спросила она.

– Ну так, немного, на картах Таро и на оракуле, – ответила я.

– Давай я к тебе буду некоторых клиенток отправлять, так сказать, переведу на тебя часть клиентской базы. – Она захохотала.

– Да я даже не знаю, кто сюда поедет, да и не хочу я домой чужих таскать, – поморщилась я.

– Ну, ты чё, как клюшка старая, какой дома принимать, мир современных технологий, все онлайн. Задала несколько наводящих вопросов, побеседовала и хошь – в режиме реального времени расклад делай по скайпу там, вайберам всяким. Хошь – потом разложи, когда время будет и настроение, а потом клиенту простыню вышли на электронку или куда договоришься. У меня вон очередь на два месяца вперед, что мне, одной, обожраться, что ли. Я и так себе уже на склеп мраморный заработала да на гроб из красного дерева с бархатной обивкой, – бабулька горько засмеялась.

– Я боюсь, – честно призналась я, – вдруг я что-то не то увижу, а сказать побоюсь. Я вот как-то девочке одной гадала, все у нее с молодым человеком было тухло, да и он по картам тот еще хороший человек был. Пожалела ее и сказала, что все у них хорошо, а он ее взял и бросил через неделю. Она на меня сильно обиделась.

– А ты правду говори, как видишь, так и говори. Если что, картами прикрывайся, типа это не я, это все они. Добрая ты, Агнета, хочешь, чтобы всегда все хорошо было и у всех, – улыбнулась она. – Не бойсь, я тебе, если чего, подсоблю.

– Я попробую, – ответила я.

– А у тебя пирога больше нет? – спросила бабушка, собирая крошки со своей тарелки и отправляя их в рот.

– Нет, – я виновато пожала плечами.

– Ну тогда я пойду. Агнета, дай баночку варенья вот этого. – Она ткнула пальцем в пустую креманку.

Варенье это, конечно, у меня зачетное, апельсин с яблоком, вкуснющее. Пару банок всего осталось, ну да чего жадничать, в этом году много наварю, а сейчас можно и поделиться. Сходила на кухню и достала из холодильника варенье. Поставила его на стол в беседке. Коловерша схватил его и запихнул банку к себе в пасть.

– А он как это? – Я тыкала в него пальцем, так и не сумев подобрать нужных слов.

– Он дома отдаст, – рассмеялась бабулька.

– А-а-а, ясно. – Я не могла поверить в увиденное. – Он такой маленький, а банка большая, и ведь все поместилось.

Бабушка не стала объяснять, а только усмехнулась.

– Пасха в воскресенье, пошли в церкву, – предложила мне Матрена.

– Не люблю я все эти сборища, да и вам вот с этими, наверно, нельзя, – ответила я, кивнув в сторону бесенка.

– А мы их за дверью оставим, а если поедем в церковь в городе, так и с ними зайти сможем, – она усмехнулась.

– Это как? – удивилась я.

– А вот так, сама все увидишь. Здесь у нас только бабка Нина промышляет, да еще парочка доморощенных наберется по деревням, а туда всякая чернота со всего города на Пасху стекается, нормальному человеку продохнуть негде.

– Не готова я еще к такому, – ответила я. – Да и вообще, сейчас такая обстановка, что только по общественным местам гулять.

– Ну да Бог с тобой, не хотишь, и не надо, – махнула она рукой. – Я тебе на вайбер потом инструкцию вышлю, как себя с клиентами вести и сколько с кого брать. Ну все, устала я от болтовни. Спасибо тебе за пирог и варенье, за разговоры и за гостеприимство. В следующий раз, когда будешь печь пироги, то зови на чай. – Она направилась к калитке.

Мы вышли с ней за калитку. На самом деле или мне показалось, волк с ее большим чертом в шашки играли под деревом. Как только мы вышли на улицу, так и исчезла доска вместе с шашками, а эти два товарища разошлись по разным сторонам дороги и делали вид, что не знакомы.

Около ворот стояло нечто неопишимо дорогое.

– Это моцик, чоппер называется. Крутая штука, да? Решила его сегодня обкатать. – Она любовно погладила байк, выбила об колено трубку и сунула ее в карман.

– Да ваще, я в шоке, – удивленно посмотрела я на нее.

– Ну так хоть на старости лет погонять. С этими, – она кивнула на своих помощников, – мне вообще ничего не страшно. Ладно, покедова. – Она свистнула в два пальца своему большому черту, уселась на мотоцикл, газанула и помчалась по дороге, поднимая клубы пыли.

Вот это бабца, фору даст любому молодчику, я с неприязнью покосилась на грязевой памятник «Оке».

В доме меня ждала большая уборка. Смела траву с любимого дивана, теперь он будет пахнуть полынью, и с шифоньера. Все подмела. Взяла тетрадь и записала рунные ставы так, как их увидела. Потатила ее в кабинет. Стасовала карты и стала задавать вопросы. Вышло так, что вроде эти ставы для защиты, но они уже не работают. Дают добро на то, чтобы их убрать. Нашла в закромах шпатель и пошла все счищать. Положила руку на став.

– Благодарю руны за работу и отпускаю, – сказала я, намочила старые обои и принялась все оттирать.

Надеюсь, под ними не окажется еще одного слоя обоев с еще какими-нибудь знаками. Содрав верхний слой, обнаружила лишь заштукатуренную стену. Вздохнула с облегчением. Собрала все в железный совок и вышла за ворота. Подожгла с теми же словами, что и в комнате, а пепел развеяла по ветру.

В комнате все вымыла с солью. Приложила руку к стене – не гудит, значит, все правильно сделала. Посмотрела на сдвинутую в середину мебель, на место ставить не стала – смысла нет. Надо сгонять в город и купить какие-нибудь дешевенькие обои, сделать тут косметический ремонт. Все будет лучше, чем облезлые стены.

Кто к нам с пирожком придет, тот пирожком и получит

Убрала весь разгром, повесила назад занавески, мебель оставила стоять на том месте, куда поставил шишок. Сготовила обед и позвонила дочери, та сказала, что они с Настей разбирают вещи, и она очень занята. Ну ладно, ребенку хорошо, пусть отвлечется немного от ночного ужаса. Конечно, непривычно обедать одной, зато можно притащить ноут на кухню и читать всякое-разное.

После обеда от Матрены пришли инструкции по работе с клиентами и расценки. Я прямо кофеём подавилась, как увидела такое. Думаю, вот это да, не может быть такого, и люди еще столько платят. Также она попросила сделать расклад одной даме и скинула перечень вопросов, исходные данные и фото. Значит, будет проверять, хорошо, соберем волю в кулак, настроимся и будем зарабатывать бешеные бабки, ну или провалим экзамен и продолжим дальше писать товарные карточки за копейки.

Пошла в кабинет, достала свои карты Таро и оракул. Несколько раз прочитала вопросы и исходные данные, только собралась настраиваться, как кто-то позвонил в дверь. Наверно, Катюшка вернулась, решила я и пошла открывать. За калиткой стоял Лешенька. В руках он держал большой пакет.

– Вот, мать велела передать. – Он протянул его мне.

– И тебе, Леша, здравствуйте, – ответила я, убрав руки за спину.

– Здравсьте. – Он опешил от удивления. – Берите, мать сказала, что это поможет. – Снова протянул руку с пакетом.

– С чем поможет и кому поможет? – зло прищурилась я.

– Ну, чтобы мне деньги назад на счета вернулись, – ответил он.

– И что же ты за дары принес, Алексей? – криво усмехнулась я.

– Ну, вот тут пирожки мать нажарила с капустой и с луком и яйцом, положила банку вишневого варенья с косточками, банка прошлогодних огурцов соленых и капуста квашеной. – Он копался в пакете и перечислял «дары».

Из пакета пахло горелыми пирожками. От запаха меня перекосило.

– В общем, на те, Боже, что мне негоже, – резюмировала я. – А чего бутылку самогонки не положила?

– А надо было?

– Конечно, это же настоящий подарочный набор алконавта, – снова усмехнулась я. – Лех, этого не хватит даже, чтобы твою окуху из грязевого плена вытащить. Неси все назад матери, скажи, не берет и еще больше обиделась. – Я собралась уходить.

– Как не возьмете? Это же все от души, – удивился он.

– От души, Леша, ты меня старухой назвал, вот это было от всего сердца. Если у людей дать особо нечего, то они все самое лучшее несут, а не горелые пирожки с вишневым вареньем с косточками. А если и этого нет, то спрашивают, чем помочь можно и как отработать.

– У вас есть дар, вы должны мне помочь, – сказал он упрямо, – я принес продукты.

– Какой ты умный, Лешенька. Это где же написано, что я всяким шалопаям должна помогать? Закон мне покажи такой или указ президента. – Я начала злиться.

– Так мать сказала, и так в народе говорят, – не унимался он.

– Вот мать пусть тебе и помогает, мозги, что ли, подарит. Мякину из головы вынь уже, двадцать первый век на дворе, – злилась я еще больше. – Чеши отсюда, покуда совсем худо не стало.

Он положил руку на калитку и не давал мне ее закрыть.

– Должны, – процедил Лешка сквозь зубы. Морда у него покраснела от злости.

– А ну, пошел прочь! – заорала я так, что на забор прыгнул Проша, а на дороге появился волк.

С треском и хлопками у парня повзрывались банки, порезав пакет осколками. На землю капал рассол с вишневым вареньем с косточками.

– Ни фиги се. – Он ошалело смотрел то на меня, то на землю.

У пакета оторвались ручки, и все содержимое вывалилось на землю. К нему подошел волк, зацепил зубами пакетик с горелыми пирожками и понес под свое дерево.

– Заказ оплачен, получите, распишитесь, – злобно ответила я, провожая помощника глазами.

– Не понял, – удивился Алексей.

– Ну, видно, мало тебе сломанной машины, мало потерянных денег, так ты еще решил добавить себе несчастий, – ответила я и направилась во двор.

Проша спрыгнул с земли и встал в дверях калитки, загораживая собой проход. Леша развернулся и... поскользнулся на липкой луже и грохнулся на содержимое пакета.

– Рука, рука, – заверещал он.

Я выглянула из-за калитки. В его руку впилось несколько осколков, кровь сочилась на землю, смешиваясь с вишнево-рассольной лужицей.

– Хорошо, что не правая, – сказала я и собралась возвращаться домой.

– Ты мне не поможешь? – спросил Леша, чуть не плача.

– Я тебе помогла два раза, а ты с меня деньги за кроссовки потребовал и старой обозвал. Так что нет, – ответила я и направилась во двор.

– Я отблагодарю, – крикнул он мне в спину.

– И как же? Принесешь еще горелых пирожков? – спросила я со смехом.

– Нет. Если вы мне поможете с рукой и деньги вернуть, то я вам отдам пять процентов от вкладов, – ответил он серьезно и поморщился.

– И сколько же у тебя денег на счетах было? – поинтересовалась я. – Триста шестьдесят тысяч?

– Нет, больше, два с половиной миллиона. Я на дом копил. – Кровь у него отливала от лица, он бледнел.

– Вот прямо два с половиной? – посмотрела ему внимательно в глаза.

– Два семьсот, – простонал он.

– И ты готов мне отдать сто тридцать пять тысяч? – удивилась я.

– Да, если деньги вернутся на счет. Лучше я отдам столько, чем останусь совсем без ничего. – Он готов был грохнуться в обморок.

– Учти, что если ты меня обманешь, то уже ничего заработать не сможешь, и мамке твоей за горелые пирожки достанется, – пообещала я ему.

Подцепила Алексея под здоровую руку, подняла и поволокла в летний домик, нечего мне в доме пачкать. Аккуратно вынула крупные осколки, срезала рукав кофты и вытащила оставшиеся мелкие стеклышки. Обработала руку и затянула бинтами.

– Пошли к фельдшеру, может тут зашивать нужно, – сказала я и потянула его за руку.

Он мотнул головой.

– Не пойду я к ней, – ответил Лешка.

– О, ты и там облажался? – усмехнулась я. – Ну давай я тебя наживую обычными нитками зашью.

Леша кивнул головой. Пришлось снимать бинты, кровь снова полилась. Нашла иголку, шелковые нитки, все обработала любимой настойкой и принялась вышивать крестиком. Как хорошо, что у меня по труду пятерка была и я любила пришивать пуговицы. Парень морщился, но стойко переносил мои издевательства. Ничего, может, поумнеет, надеюсь, он понял, что я не шучу. Зашила пару крупных ран, обработала и замотала бинтами.

Сходила в дом и принесла крепкого сладкого чая. Плевать в чашку не стала, хотя была такая мысль. Парень завалился на диван и прикрыл глаза. Потыкала в него пальцем, он посмотрел на меня с испугом и забрал стакан. Выпил его залпом.

– Можно, я у вас тут полежу немного, у меня голова кружится, – попросил он.

– Ну, полежи, полежи. Очухаешься, за собой уберешь все, – ответила я.

– Хорошо, – прошептал он, как умирающий лебедь.

Ну, смотри у меня, Лешенька, Агнета научит тебя родину любить.

Вышла на улицу, за калитку, убрать осколки, чтобы никто не поранился да машину себе не испортил. А там волк сидит и блаженно лижет вишнево-рассольную лужицу с примесью грязи и крови.

– Слышал, волк, нам тут денег много пообещали за возврат денежных средств гражданину. Вертать будем или накажем? – спросила я у помощника.

Он кивнул головой, то ли он согласен вернуть, то ли наказать не прочь, я так и не поняла. Но посмотрим, как он решит, так и будет.

Вернулась в кабинет и уселась за гадание. Снова прочитала вопросы, изучила исходные данные. С фото на меня смотрела приятная блондинка возраста 25–30 лет. Хотелось девушке знать, когда на ней женится ее суженый, с которым они проживают уже пять лет. Будут ли у них дети и когда. Перетасовала карты и принялась раскладывать, выкладывая на каждый вопрос по три карты. Интересно было узнать, что у нее за мужчина, и на него положила три карты.

Перевернула все и стала всматриваться. Хоть колода и была позитивной, но ответы она давала безрадостные. Молодой человек не питал особых чувств к барышне, тут был обычный холодный расчет. У него никого не было, кроме этой девицы. Но когда я посмотрела на ее карты, то ситуация с ее стороны вырисовывалась примерно такая же. Им было удобно вместе, такое взаимовыгодное партнерство, никакой любовью там и не пахло.

Парень детей не хотел и не планировал, девушка же хотела поставить все точки над ё. Все довольно банально и грустно. Они могут прожить вместе долго, удобно, скучно и несчастливо, или расстаться и получить свою порцию отмеренного счастья с другими людьми.

Все это я написала в отдельном файле, сфотографировала расклад, потом напугалась, что я карты разгадывала не так, как они обозначаются в книге по Таро. Принялась искать значения и аккуратно записывать в файлик, получилось рвано и непонятно. Оставила оба варианта, приложила фотографию и отправила Матрене на электронку. Переволновалась знатно, руки тряслись, а мысли играли в чехарду, боялась получить двойку от бабульки. Сложила ручки на столе и вперилась в экран в ожидании ответа. Через пять минут мне надоело работать памятником Мао Цзэдуну, и я решила сделать себе чай и заодно проверить, как там наш болезный-беспольный.

Взяла чашку с чаем и вышла на крыльцо. Товарищ Леша, который совсем нам не товарищ, крался к калитке, держа в руке телефон. Я отпила немного холодного напитка, продолжила наблюдать. Открыл дверцу и обернулся, увидел меня.

– Леша, ты куда? Тебе легче стало? – поинтересовалась я и снова отпила чая.

– Я за забором хотел убрать мусор, осколки, – он воровато на меня посмотрел.

– Я убрала, можешь еще полежать, а то по дороге домой голова закружится, упадешь куда-нибудь в овраг и сгинешь молодым и холостым. Так мечта твоя и не сбудется.

В проеме калитки я увидела, как на той стороне дороги маячит волк. Он явно ожидал нашего охотника за неприятностями.

– Ты в комнате прибрался? – спросила я.

– Да, сразу. Пришел ваш кот и начал слизывать мою кровь, это каннибальство какое-то. – Товарищ явно намыливался сбежать.

– А денежку тебе, Леша, не вернули еще? – Я внимательно на него посмотрела.

– Нет, нет еще. – Он явно врал. – Пойду я домой, а то мамка волнуется. – Он прижимал к себе телефон. – Как только вернут, так я сразу вам на карточку скину.

Он шагнул в проем калитки и дальше не смог сделать ни шагу. Он стал трогать воздух перед собой.

– Что с тобой, Лешенька? – спросила я ласковым, елейным голоском.

– Тут стена какая-то, я выйти не могу, – удивленно ответил он.

– Ну, это у тебя, наверно, галюники от потери крови, слабость, ноги не поднимаются, полежать надо, поспать. Нельзя так резко-то вставать, опасно. – Я поставила кружку на скамейку и подошла к нему.

Он был на полголовы выше меня. Зацепила его рукой за шею, развернула на сто восемьдесят градусов, дала волшебный пендель.

– Иди, Лешенька, в летний домик, отлежись, подумай хорошенько, сил наберись, – продолжала разговаривать с ним елейным голосом.

– Я, я, я сейчас полицию вызову, – выпалил он.

– Это Александра Павловича, что ли, нашего участкового? Ну-ну. Ты еще батюшку нашего позови, – я расхохоталась, потом сама же напугалась своего хохота, звучал он как-то зловеще.

Он начал тыкать в экран смартфона.

– А-а-а, рука, я не чувствую правую руку. – Телефон выпал у него из рук.

– Иди, лежи, дружок, отдохни. – Я подняла с земли аппарат и сунула ему в карман джинсов.

Похлопала его по спине и развернула в сторону летней кухни. Может быть, со стороны это все и выглядело некрасиво, но что-то от денег мне отказываться не хотелось. Да и надо было дать еще один шанс остолопу на исправление. Он опустил голову и побрел в сторону летнего домика, руки слабыми плетями повисли у него вдоль туловища. Со стороны я себе не нравилась, вот, как злая ведьма, захватила парня в плен и удерживаю его силой. С другой стороны – он первый начал.

Допила чай и вернулась назад к ноуту, было любопытно, что же ответила Матрена. Ответ был коротким: «Выкинь свой учебник по Таро, первый вариант правильный. Пиши душой, а не мозгами. Лови бабки». На карту прилетело полторы тысячи рублей, неплохо так, очень неплохо.

Позвонила Николаю, узнать, как там Юля. Трубку взяла его сестра, сказала, что они едут в какой-то монастырь, на соборование. Чувствует она себя неплохо, просила прощения и благодарилась за спасение из земляной ловушки. Пожелала им легкой дороги и распрощалась с ними, может, еще свидимся. Значит, у нас в церкви новый батюшка. Давно я в магазин местный не ходила и новостей не знаю.

Пришла моя Катюшка от подружки, смешная, веселая, счастливая и довольная. Притащила кучу комиксов и каких-то журналов, ей Настя отдала. Уезжают на следующей неделе, дом оставляют матери. Грустно стало, ну вот, все мои знакомые разъехались.

Поболтали с дочерью, поужинали. Я поставила тесто на куличи. Печь я их не умею, не получится, – будут сладкие булки с изюмом. В церковь идти не хотелось, хотя можно было бы сходить. Тут она маленькая, народу будет немного, наверно.

Через час зашел Алексей, он прижимал пораненной рукой к груди телефон.

– Там деньги пришли на счета. Зашел узнать ваш номер телефона. – Он был полон решимости, непросто ему это далось.

– Давай по номеру карты. Не хотелось давать ему свой телефон.

– Сами тогда напишите? – Он протянул мне аппарат.

Забрала и внесла данные. Он нажал на кнопку «перевести». Через три минуты у меня пиликнул телефон. Заветная сумма поступила мне на счет. Вымогательница.

– Вот так, Лешенька, а мог бы обойтись малой кровью, если бы умел себя держать в руках и не считал, что все кругом лошары, а ты один Д’Артаньян, – ответила я.

Правая рука у него начала двигаться. Он посмотрел на меня исподлобья, развернулся и отправился к выходу.

– И помни, договор скреплен твоей кровью, решишь отменить операцию, я уже ничего изменить не смогу, – произнесла ему в спину.

– Я понял, спасибо, – ответил он, не поворачиваясь.

Проводила его до калитки. За забором стояла его окушка, грязь уже обсыпалась, и можно было спокойно выехать. Он сел в нее, завелся и поехал к себе. Мы с волком провожали его взглядом.

Алеша

Алексей вышел из дома Агнеты, он был зол, левая рука горела от ран, а правую до сих пор ломило, и она с трудом поднималась. Как его первый раз занесло сюда, он не понимал. Он тот день вообще плохо помнил, какими-то обрывочными паутиными воспоминаниями. Последнее, что осталось четко в памяти, – это Наташкина мать, которая угощала его яблоком. Дальше все, как в тумане.

Хотелось бежать к этой девице Наташке на всех парах, мозг ничего не соображал, хотя она ему сроду не нравилась. Тем более она отличалась вздорным характером, любовью к дорогим тряпкам и технике и равнодушием к алкоголю, а когда находилась в подпитии, и к противоположному полу. Такие ему никогда не нравились, ему хотелось скромную и хозяйственную девушку. Почему его понесло именно к ней, Леха не понимал. Вернее, тогда не понимал.

«Ока» стояла около дома Агнеты несколько дней. Тогда он с друзьями не смог ее выдернуть, как будто что-то держало автомобиль внизу. Даже пригнали трактор, но и тому не удалось сдвинуть намертво застрявшую машину. Он еще несколько раз возвращался к окушке, но все было бесполезно. В очередной раз он намертво посадил аккумулятор.

Теперь же грязь с окушки слетела, как яичная скорлупа, и машинка стояла около ворот Агнеты, как новенькая. Ради любопытства Леха решил завести авто, а вдруг получится. И она завелась с полпинка с севшим в ноль в прошлый раз аккумулятором. Парень был в шоке. Но зеленая жаба не оставляла его в покое, он до сих пор считал, что не сделал ничего такого, за что ему пришлось заплатить такую бешеную сумму.

Докатился до дома с ветерком. Навстречу выскочила мать.

– Ну что, Лешк, помогла ведьма? Взяла она пакет с моими пирожками? – спросила она его, вытирая руки об передник.

Тут Леху прорвало.

– Ты чего в пакет наложила всякой дряни? Я тебе денег давал на нормальные продукты. Ты чего наложила туда горелых пирожков? Варенья у нас нормального нет? Ты меня опозорила, вонища от твоих пирожков на всю округу, – орал он на мать.

Она открыла рот от удивления и хлопала глазами.

– Ой, Лешка, а чей-то у тебя рукава у кофты нет, и рука перевязана? – попыталась она перевести тему.

– Упал на стекло случайно, – зло ответил он.

– Не злись на меня, мы всегда, когда к Степановне ходили, брали то, что сами не ели. Какая разница, что нести, главное не быть должной, – ответила она.

– Вот поэтому отец наш спятил и по монастырям катается.

– Как прошло-то, расскажи? Деньги-то вернула? – принялась допрашивать мать.

– Вернула, – буркнул он.

– Дай карточку, надо сестрам платья купить, босоножки Людке, Вовке велик новый, – она протянула руку.

– Нет, не дам. Людка взрослая уже, пусть идет к Ольге на ферму работать, девке семнадцать лет. Не работает, не учится, – ответил Леха и отправился в общую с братом спальню.

– Она маленькая еще, а ты зарабатываешь хорошо. Тебе что, жалко для своих родных? – мать завелась и понесла на него орать, что он неблагодарный и что она всем расскажет, что он ей не помогает.

– Подай на алименты на отца, – ответил Леха и закрыл перед ее носом дверь.

Агнета никак не выходила у него из головы. Денег было безумно жалко. Он решил отменить платеж. Зашел в личный кабинет, и у него резко выключился телефон. Поставил на зарядку, но все было бесполезно. Тогда он потребовал аппарат у брата. Тот возмущенно на

него посмотрел и удрал жаловаться мамке. Сестер не было дома, а мать на просьбу о телефоне фыркнула и потребовала с него карточку. Он знал, что если она попадет к ней в руки, то она потратит все, что там есть. Поэтому деньги он хранил на разных счетах.

«Если не верну бабки, то отомщу», – решил Леха. Раненная рука заняла сильнее. Что же можно сделать: спалить хату, подловить саму Агнету и как следует ей навалить, поймать ее дочь и ей накостылять. К дому не подойдешь близко, там шастает эта жуткая псина. Вот тоже, что за мода, держит собаку за воротами, а не как все нормальные люди во дворе в будке. Если только ее пристрелить, вот и месть будет, и кота бы ее изловить и повесить. Вот она изрыдается и деньгам не рада будет. Да и за животных ему ничего не будет, не скот же портит. Леха обрадовался своей задумке, надо только где-то ружье достать. Ради такого он и денег не пожалеет.

К Лешке пришел его закадычный друг.

– Ну что, сходил к ведьме? – спросил тот.

– Угу.

– Ну, давай рассказывай, – приготовился слушать друг.

Но тут что-то пошло не так. Лешка не смог ему ничего сказать, язык не ворочался, в момент опух и вывалился изо рта. Он его попытался сложить в рот обратно, но у него это никак не получалось. Потом он махнул рукой и кое-как выдал из себя.

– Нечего тут рассказывать.

– Как это нечего? Давай все выкладывай.

– Потом, как-нибудь в другой раз, – мотнул головой Леха, пытаясь как-то разместить во рту опухший язык.

Он понял, что и про ведьму, и про месть свою он никому не сможет поведать, значит, на дело придется идти одному.

– Ну и шут с тобой, – фыркнул дружан, слегка обидевшись. – Ты слышал, Поповы свой коттедж за лям с копейками продают? Ну, тот самый, с розочками на ограде, он еще тебе так нравился. Они его сначала за два с половиной продавали, а теперь уезжают через пару дней и цену так здорово сбросили.

– Пошли, глянем, – вскочил Лешка с кровати.

– Ты чего, покупать собрался? У тебя лям-то есть? – прищурился друган.

– У тебя займу, – усмехнулся Леха. – Да шучу я. Ипотеку возьму.

«Вот все это неспроста, – думал он. – Поповы такие жаднющие, это им, видно, сильно деньги понадобились. Они могли бы и риелтору дом оставить. Может, это благодарность от Агнеты, кто его знает, на что эти ведьмы способны. Ладно, пока с мезтью повременю, решил он, да и денег сейчас лишних не будет, в дом вложусь, в ремонт, в мебель, машину хочу новую».

Посмотрел дом, все понравилось. Коттедж был, как конфетка, не только снаружи, но и внутри. Оставляли часть мебели, на первое время сойдет.

Вечером позвонили с работы, сказали, чтобы срочно приезжал, сменщик заболел. Ну вот, пока месть Лехина отменяется, а там будет видно, что в его голове созреет.

Все идет своим чередом

Скакала по дому радостным козликом: ну вот и денег в кредит не надо брать. За месяц сэкономила и заработала немного, так что хватает на косметический ремонт дальней комнаты. Может, в ней кабинет сделать, а в кабинете – спальню? Но кабинетик очень маленький, если у меня жизнь поменяется, то вдвоем там спать будет некомфортно. Решено, буду обновлять и очищать большую комнату.

Забежал Александр, принялся меня кружить и тискать, усадил к себе на колени, как маленькую, и начал нацеловывать. Сообщил, что безумно соскучился.

– Ты чего такой радостный? – поинтересовалась я, шевеля у него на макушке волосы.

– Завтра Пасха, пойдем в церковь и к моим на обед? Там хорошо будет, весело. Детей будет куча, так что твоей Катюшке будет не скучно. Брат двоюродный приехал с семьей, тетка со своими детьми, может, еще кто заскочит, – радостно сообщил он.

– На смотрины меня зовешь? – поморщилась я.

– Ну нет, просто праздничный обед. Все будут с семьями, и я хочу быть с тобой. – Он улыбнулся и заглядывал мне в лицо.

– Саша, раньше по молодости мне очень нравились такие мероприятия, а потом я как-то случайно услышала, как моя тогдашняя свекровь обсуждает меня со своей теткой. Я узнала много чего нового о себе и была неприятно удивлена. Когда я зашла на кухню, они даже скрывать не стали, что судачили обо мне, а продолжили в том же духе, глядя мне в лицо.

– Ну что ты, мои не такие, они добрые и хорошие. Не бойся, я тебя ото всех защищу, а тех, кто будет не согласен со мной, закрою в кутузку. – Он чмокнул меня в щеку.

Тут в кухню вошла Катерина.

– Э-э-э, я попить только хотела, извиняюсь, – она отвернулась и бочком стала пробираться к чайнику.

Я слетела с Сашиних колен, как пугливая птичка.

– Катюша, я вас с мамой завтра приглашаю к себе в гости. Придете? – спросил он дочку.

– Ну да. Дома все равно скучно. – Она пожала плечами и ушла к себе в комнату.

– Ну, вот и все, завтра за вами заеду. – Он опять протянул ко мне руки.

Я увернулась и принялась обминать тесто в кастрюле.

– Ты чего? Обиделась? Не понравится, уйдем. – Он засмеялся.

– Может, у меня на завтра свои какие-то планы были. – Я поджала губы.

– Какие планы?

– Может, я хотела тебя в гости пригласить, на романтический ужин, – ответила я.

– А мы успеем и на ужин, вместе его романтично сготовим, вместе романтично съедим, – рассмеялся он.

Подулась еще немного для приличия и позволила себя поцеловать.

– Слушай, Лехиной окухи нет. Забрал, что ли? – спросил Саша.

– Забрал, – ответила я.

– Извинился? – удивился он.

– Можно сказать и так, – криво усмехнулась я.

– Понятно. У тебя комод в коридоре стоит. Его куда-то переставить надо или что-то случилось? – поинтересовался он.

– В комнате решила ремонт сделать, разве можно такое безобразие терпеть, – сказала я. – За обоями в понедельник или во вторник съезжу.

– Давай вместе сгоняем, – предложил Саша.

– Ты сам предложил, – усмехнулась я.

У него зазвонил телефон, улыбка сползла с его лица. Он ответил, что скоро будет.

– Ну вот, начались праздники, – ответил он и поморщился. – Ладно, моя хорошая, побегал я. – Он чмокнул меня в губы и поскакал спасать мир.

Мне нравится так встречаться, видно, я за это время полюбила свободу, жить вот вместе что-то мне не хочется. Может, еще от бывшего мужа не отошла.

Только про него подумала, тут и сообщение от него прилетело: «Привет. Что делаешь? Не отвлекаю?» Отвечаю: «Привет. Кулички собралась печь. Хорошо, что ты мне написал. Хочу продать второй гараж. Ключи мне отдашь?» Что тут началось, он через пять минут мне перезвонил и начал сначала возмущаться, а потом уговаривать не продавать гараж. Дескать, как, так-то, ты гараж покупала для второй машины, я его сделал и теперь ты его продать хочешь, так нечестно.

Немного подзависла, ну, как бы, когда жили вместе, то и вопросов не возникало, где чье. В твоей квартире ремонт делала, я же не прошу ее мне подарить, даже почти всю мебель оставила. Вот не люблю я все эти дележки. И вообще, зачем человеку второй гараж при наличии одной машины, ну нужен он так тебе, отдай мне деньги за него, и расстанемся полюбовно.

– Вот, оказывается, какая ты, Агнета, меркантильная, а я еще хотел к тебе завтра в гости приехать, – заявил он и бросил трубку.

Что это было, Пух? Вот сяду и буду рыдать и умываться горькими слезьми, что он не приедет ко мне на Пасху, горе горькое. Да не дай бог, такое счастье, я еще прошлый раз не забыла.

Через полчаса прилетело на карту тридцать тысяч с припиской: «десятку отдам потом». Замечательно, меркантильная Агнета сегодня почти все долги собрала. Теперь осталось дождаться развода хозяина дома и оформить сделку.

Ближе к ночи от Петра пришло сообщение: «Добрый вечер. Приехал с вахты, поговорил с женой, разводиться передумал. Давайте договариваться, в какой день будем оформлять сделку». В душе запела девочка веселенькую песенку на финском языке. «Добрый вечер, хорошо, что у вас все наладилось. Давайте во вторник». Он согласился, и мы договорились встретиться около МФЦ. Ну вот, жизнь налаживается. Интересно, сколько времени будут делать документы, и деньги надо сразу отдавать или после того, как получу доки?

Лешкины деньги перекинула на карту другого банка, мало ли, что он там придумает. Мне так хотелось, чтобы он поскорее куда-нибудь уехал, и чтобы мы с ним еще долго не пересекались, а лучше – никогда.

Ну, надо же, у меня сегодня первые выходные, когда посторонних нет. Вспомнила про Ирину, что-то она давно не отписывалась, видно, у нее все хорошо. Написала ей сама. Получила в ответ подмигивающий смайлик и фразу: «Я сейчас не одна, потом все расскажу». Ну и отлично, и у Иры все хорошо.

Допекла кулички, посмотрели с дочей киношку, и счастливые и довольные отправились спать. Утром разбудил звонок телефона.

– Але, спишь? Вставай звязда, поехали в церкву, – кто-то на том конце трубки радостно проорал.

– Э-э-э, – только это и смогла ответить.

– Ты чё, больная, чё ли, или это твоя коза трубку взяла? Бабка Матрена на проводе. Не узнала? Богатой буду. Открывай ворота, чё я, как старая кошелка, около калитки стою.

– Мы не договаривались, – буркнула я в трубку.

– Да и пофиг, я к тебе сейчас во двор так въеду, – ответила она и отключила телефон.

Я моментально проснулась. А ведь она может. Рванула к калитке в пижаме. За ней газовала бабка Матрена. Открыла ей дверь.

– А говоришь, спишь, – проворчала она. – Христос воскрес! – прокричала бабулька и протянула крашенные яйца.

– Воистину воскрес, – ответила я и жестом пригласила во двор.

Она деловито прошла в беседку.

– Рано еще в церковь, – сказала я.

– Ой, ну ты бы не пошла, если бы я не приехала, – поморщилась она. – Ставь чайник, давай завтракать.

На ее плече сидел чертик и деловито чистил крашеное яйцо.

– А ему можно крашеные яйца есть? – поинтересовалась я.

– Так оно же не освященное, чё ему будет-то.

Я отправилась на кухню ставить чайник, а затем потопала в ванную комнату, надо хоть умыться. Переоделась. Вынесла чашки, хлеб, сыр и масло.

– Кулич где? Выноси, дегустировать будем, – велела бабулька, раскуривая свою неизменную трубку.

– Ну ты и наглая, бабка Матрена. Меня вообще будить так нельзя, я же убить могу за это. Да и если мы сейчас куличи есть будем, то что мы освящать понесем? – спросила ее.

– Себя понесем, куличи будут в нас, – она радостно улыбалась. – Конфеты где?

– Нету, не купила, – ответила я.

– Я так и знала.

Она потыкала в своего коловершу пальцем, тот отдал ей очищенное яйцо. Открыл пасть и вытащил оттуда большой кулек с конфетами. Ох и не фига себе, вот никак к нему не привыкну. Я с осторожностью дотронулась до пакета, мне казалось, что он сейчас будет весь мокрый и в слюнях. Нет, я ошибалась, обычный пакет с хорошими, дорогими конфетами.

– Это для тебя и для девчонки, а второй, попроще, – раздавать будешь, – сказала она, а чертенок вытащил второй кулек поменьше.

Я на нее внимательно посмотрела.

– Да не бойсь, нормальные они, традиция такая, конфетки на Пасху раздавать, – сказала она.

Мы пили с ней чай с куличиком, слушали, как поет соловей и где-то стрекочет кузнечик. Коловерша пытался прибрать назад конфеты, но бабка Матрена не давала ему это сделать.

– Пойдем, надо первыми прийти, – сказала она.

– Мы на мотоцикле поедем? – спросила я.

– Ты чего, ку-ку? – постучала она по голове. – Нет, конечно, пешком пойдем.

– Сейчас я коз подою. Да и Саша обещал утром зайти, – ответила я.

– Коз подоишь потом. Сашка твой не придет, он церкву охраняет. Платок на бошку натяни и юбку в пол, – дала она указания.

Я пошла переодеться и захватила куличи, яйца и конфеты. Она загнала свой мотоцикл ко мне во двор, и мы отправились с ней в местную церковь.

Пасха

Матрена для своего возраста довольно бойко вышагивала. До церкви нужно было идти минут двадцать. Мы разговаривали по дороге.

– Ты крестик надела? – спросила она.

– Угу, только я не помню, как креститься, – ответила я и покраснела.

– Я тебе там покажу.

Она притормозила, и мы остановились.

– Бадик давай, – сказала она коловерше.

Тот вытащил из пасти трость и отдал старушке. Со стороны чертенка не было видно и казалось, что бабулька вытаскивает палку из-за спины, как Скай Уокер джедайский меч. Я хихикнула.

– Чего ржешь, как лошадь? – буркнула она недовольно.

– Ой, я не знала, что в чертенке помещаются такие большие предметы.

Я стала его внимательно разглядывать и почесала ему шейку, где, оказывается, находился небольшой зоб-мешок. Он застеснялся и захихикал.

– Смотри-ка чего, а ты ему нравишься, и дотронуться до него можешь, – по-доброму буркнула Матрена. – Обычно он никого не жалует и укусить еще может.

– И сильно? – удивилась я.

– А то.

Чертик ощерился и обнажил ровный ряд остреньких мелких зубов. Потом стал серьезным и снова улыбнулся: теперь его пасть была похожа на звериную: клыки, резцы. Снова прикрыл рот, а когда открыл, то из него вывалился змеиный язык и такие же два зубика.

– Ну, все, хватит баловаться, – бабулька щелкнула его в лоб.

Он надулся и отвернулся от нас, продемонстрировав замечательный хвостик с кисточкой.

– Я не знала, что вы плохо ходите и вам нужен бадик, – сказала участливо я.

– Бадик для старушки – это не способ передвижения, это орудие борьбы, – ответила она и гордо потрясла тростью.

– И тележка туда же? – спросила я и рассмеялась.

– А как же. Тебе ни разу по ногам тележкой не прокатывались? – поинтересовалась она и хитро прищурилась.

– Ну-у-у, бывало. Еще и пихнуть ухитряются, – ответила я.

– А ты в ответ пихни, наступили – в ответ наступи. Особенно это церкви касается, часто некоторые граждане и гражданки негражданской наружности там свои нехорошие делишки проворачивают.

– Ну, это же нехорошо, это неправильно, нельзя так, – ответила я.

– Церква – это источник силы, и если умеешь им пользоваться, то и все твои задумки получаться будут, неважно, хорошие они или плохие в общечеловеческом смысле. Это как родник, из которого люди воду набирают, можно набрать воды попить, а можно и ноги там помыть, – ответила она.

Ну вот, как-то неприятно все это было слышать, хотя я и встречалась с колдовством в церкви, и люди не благости у Бога просили, а у прихожан счастье и здоровье забирали. Как-то бабулька – божий одуванчик тщательно вокруг меня венником мела и что-то себе под нос бубнила. Она метет, а я за венником кругом поворачиваюсь и смотрю на нее так внимательно. Почуяла старая, что что-то неладно и глаза на меня поднимает. Рот от радости перекосялся, смотрит на меня злобно. А у меня в голове вертится: «Что мое – остается со мной, что твое – остается тебе». И так до тех пор, пока она не скрылась из виду. Спиной назад от меня пятилась.

– Чего затихла? – ткнула меня локтем Матрена. – А ли видела чего в церкви?

– Да так, свечи поставила и стояла иконы рассматривала, тут одна старушка подлетает и давай свечки тушить да выдергивать, – ответила я.

– А ты чего сделала, сказала? – поинтересовалась она.

– Ничего, просто на нее смотрела ошалевшим взглядом. Она повернулась, смотрит на меня: «Ой, вы только свечу поставили, а я затушила? Извините, простите». Назад все зажгла и дрожащими руками все поставила, часть свечек уронила.

– Твою-то не затушила?

– Не успела.

– И то хорошо, и то ладно.

Мы подошли к церкви. С трех сторон бежали бабка Нина, какая-то тетка неопределенного возраста и баба молодая.

– Вот они уже, кумушки, несутся. Смотри, что сейчас будет, – сказала Матрена и облокотилась на свою палку, чтобы лучше все рассмотреть. Ей только покорна в руки не хватало. – Жаль, в этом году Полунощницу отменили из-за вируса проклятого, там еще веселей бывает.

Все три бабенки оказались одновременно у дверей церкви. Но ни одна из них не успела схватиться за ручку двери. Они начали отпихивать и оттаскивать друг друга, не давая возможности подойти к заветной цели. Ко мне подошел Саша, чмокнул в щечку.

– Доброе утро, моя хорошая. Христос воскрес, бабушка Матрена и Агнета.

– Воистину воскрес, – ответили мы хором, и бабулька сунула ему в руки яйцо и конфеты.

– Ну, чего стоишь, на милую свою любишься, иди окаянных разними, – сказала Матрена.

– Подожду немного. Они каждый год тут дерутся. Что-то Елены Сергеевны не видно? Той старушки с фингалом под глазом, – пояснил участковый.

– А она тоже того самого? – удивилась я.

– Нет, она в приметы верит, ну и подраться, и поскандалить любит. Заболела она, дома сидит. Снова с соседкой поругалась, ну и со злости себе на ногу кирпич уронила, хотела в нее бросить. Пальцы сломала, теперь в гипсе, может, и пришкандыляет на костылях, – ответила Матрена, наблюдая, как обычная потасовка перерастает в драку.

Из-за двери выглянул новый батюшка, посмотреть, что же там происходит. – Ну все, Сашок, твой выход, – подтолкнула она мужчину в спину. – Ну и наш с тобой, Агнета, – сказала бабулька и поволокла меня к двери. – Берешь за одну ручку двери, а я за другую и открываем ее вместе, – инструктировала она меня.

– А не служители ее должны открывать? – спросила я.

– Сегодня мы с тобой за них, – усмехнулась она, ловко огибая свалку из теток и разномающего их Сашу.

Тут бабка Нина увидела нас и ринулась в бой. Но Матрена была проворнее и подсекла ее своим бадиком так, что та споткнулась и упала на своих товарок. Одновременно с бабкой Матреной открыли двери. Я обернулась, коловерша сидел на голове бабки Нины и плел из ее волос косички.

– А перекреститься, – ахнула я.

Матрена начала неистово креститься, а я попыталась за ней повторить. На нас изумленно смотрел новый священник.

– Здравствуйте, – громко сказала я. – Меня зовут Агнета.

Рядом захихикала Матрена.

– Молчи ужо, – одернула она меня.

– Здравсьте, – от неожиданности ответил священник, смутился и куда-то скрылся.

– Вот дурында, – обругала шепотом меня Матрена.

– Пойду я. – Мне было ужасно стыдно и неловко.

– А ну, тормози, все, как положено, отстоим, – дернула она меня за руку. – Чего в корзинку вцепилась, поставь ее на стол ужо. – Она кивнула на специальный стол для снеди.

Сделала так, как сказала Матрена. Народ прибывал в церковь. На нас злобно зыркали кумушки. Потом началось действие, не разбираюсь я в этом, не знаю, как называется, служба, не служба. Все крестились, и я крестилась, все славили Господа, и я славила. Потом освятили нашу корзинку с едой, и мы собрались домой. Около церкви меня поймал за руку Саша.

– Может, с моими сразу пойдешь к нам, а потом я подойду? – спросил он.

– А Катюшка, а Матрена, а козы? У меня еще дела есть. Давай, как договаривались.

– Хорошо, хорошо, давай, до встречи. – Он пожал мне руку и отошел.

– Ну, считай, что поженились, – усмехнулась Матрена. – Пошли ужо. Готовься, сплетничать теперь про вас с Сашком будут и про нас с тобой.

Мы отправились домой, на плече у Матрены снова красовался коловерща. Он сосредоточенно жевал конфету, а в лапке держал честно экспроприированный куличик.

– Не пойду больше, позорище какое, – сокрушалась я.

– Все нормально прошло, чего переживаешь-то. Интересно, что это за баба молодая была, наверно, какая-нибудь из самопосвященных, – рассуждала вслух Матрена.

– А она не из местных? – спросила я.

– Может, и из местных, я же не из вашей деревни. Ну-ка, дружок, сбегай, посмотри, что это и кто это, – ткнула она чертенка, который самозабвенно слизывал с кулича сладкую помадку.

Тот запихнул выпечку в пасть и исчез с ее плеча.

– Мне вот такие самоучки не нравятся, возомнят себя неизвестно кем и начинают пако-стить втихую. Нам бабки Нины хватает, – задумчиво сказала она.

– А вторая тетка там была. Она что? – спросила я.

– Она в соседнем хуторе живет, для себя по мелочи что-то делает, тоже хочет кусочек счастья урвать.

– А чего эти двери дают-то? – спросила я.

– Ну, кто первый зайдет в церковь на Пасху, того весь год счастье ждет.

– Понятно, – ответила я.

– Да не переживай ты так, девка. Ты первая зашла, я от тебя на полшага отстала, – рас-смеялась она.

По дороге домой мы раздавали конфеты и яйца, брали конфеты и яйца, христосовались и всем улыбались.

Отпраздновали

Поговорить нам нормально так и не дали по дороге домой, то один поздороваётся, то другой. Я-то и не знаю этих людей, а вот Матрена, похоже, с половиной поселка знакома. Все на нас с любопытством посматривали.

– Бабушка Матрена, а эти люди знают, кто вы? – спросила я.

– Да упаси Господь, нет, конечно. Знают, что я немного того. – Она покрутила пальцем у виска. – На мотоциклах гоняю, ну и еще думают, что у меня пенсия очень большая, да и все. Теперь решат, что у меня какие-то проблемы, и я к тебе обратилась. Им и знать этого не надо, кто я и что делать умею, мне практики на сто лет вперед хватило в свое время, – ответила старушка.

Дошли до моей калитки. Устала столько времени стоять, да и переволновалась маленько. Предложила Матрене зайти да чаю со мной попить. Бабулька с радостью согласилась.

Уселась на свое место в беседке, а я отправилась чайник ставить да коз доить. Возвращаюсь с молоком, а она сидит, трубку курит и о чем-то с моей Катюшкой беседу ведет.

– Баба Матрена, молока хочешь? – спрашиваю.

– Давай. – И кружку протягивает.

Налила ей, Катюшке и себе, красота, вкуснота. Сидим, молоко попиваем, да на цветущий сад любуемся. Вокруг всякая живность гудит: пчелки, шмели, бабочки какие-то, повсюду бурная деятельность. Куличик порезала, сидим, яйца чистим, едим, хорошо.

– Чего в гости понесешь? – спросила Матрена.

– Ну не знаю, яйца, куличи, может, конфеты, – пожалала я плечами.

– Сыра своегохвати. Салат никакой не делала? – спросила она.

– Нет. А надо было? – спросила я удивленно.

– Не знаю. – Она пожалала плечами.

На плече у Матрены появился коловерша и что-то стал шептать ей на ухо. Она поморщилась.

– Эта звезда с низкой магической ответственностью готовит нам с тобой сюрприз. Очень уж она злая пришла домой. Глупая, не знает, с кем связывается, – ответила старушка и выпустила из трубки дым в виде человеческого черепа.

– Ух ты, – сказали мы вдвоем с Катюшкой.

– Воевать будем? – спросила я.

– Нет, не вижу смысла. Все ей вернется назад. Ты сама видела, как оно бывает, – ответила она.

– Ну а вдруг... – Я перевела взгляд на дочку.

– На Катюшке твоей родовая защита стоит такая же, как и на тебе. Так что как об стенку горюх, еще может и рикошетом по всем фронтам обидчика пройтись.

– О как. – Я была приятно удивлена.

– Вот только козам придется дома посидеть. Твой дом – твоя крепость, тут у тебя такая охрана, что они обратку лично в руки вручат и еще убедятся, что подействовало, – сказала она и снова выпустила клубок дыма.

Я немного успокоилась, мне не хотелось развязывать магических войн из-за каких-то глупостей.

– А вы тоже умеете колдовать в церкви? – спросила я.

– Кое-что могу, но не занимаюсь этим, у меня свои способы были. Я привела тебя сегодня показать, что и вот такая магия бывает. Кстати, у нас таких гражданок еще мало, их Николай всех разогнал, у него на них нюх был. Он и тебя сразу распознал, еще ты сама в себе не определилась, а он уже увидел, – продолжила она рассказывать.

– У него проклятие родовое, – ответила я и поморщилась от воспоминаний.

– У него через это проклятие дар пришел, поэтому-то при принятии сана его и не убрали, – пояснила Матрена.

– Какой такой дар?

– А вот такой. В ученики его взяли, научат экзорцизму, будет сущей и бесов из людей изгонять.

– Ого. – Я удивленно на нее смотрела. – А этому разве у нас учат? Я-то думала, такое только в кино бывает.

– Учат, учат, – кивнула она.

– А Юлька? Что с ней будет? – спросила я.

– А она меня не волнует, позвонишь как-нибудь Николаю и сама спросишь, – она довольно пыхнула трубкой, радуясь тому, какое впечатление она на меня произвела своими словами.

Вот так так! А я-то думала, а оно вона чего делается. Значит, все в этом мире неспроста.

– Ну все, мне пора, а то через полчаса твой любимый приедет. Вам собираться надо. Веди там себя прилично, – подмигнула мне Матрена и встала из-за стола.

Я сунула в лапку коловерше конфетку, Матрене завернула кулич и литровую банку молока. Она была весьма довольна, сунула кулек чертенку и отправилась выводить свой мотоцикл на улицу.

Под деревом сидели волк с чертом и поедали куличи с крашеными яйцами, кажется, они там еще и выпивали. Потому что быстренько стали прятать за спину рюмки.

– Они где это взяли? – удивилась я.

– На кладбище, наверное, ну и бутылку тоже там. Это все неосвященное, да и освященное им не страшно, но неприятно, – ответила бабулька, натягивая на себя шлем с шипами и перчатки из той же оперы.

– Круто. – Оглядела ее я и присвистнула.

– А то. Давай, покеда. – Она уронила забрало, газанула и рванула в степные просторы. За ней побежал ее верный охранник-черт.

Зашла во двор, дочь уже собрала всю посуду и продукты.

– Бабка – огонь, – сказала дочь. – Ее чертик спер у нас ложечку, а ты его конфетой угостила.

– Катя, ты его видишь? – удивилась я.

– Я много чего вижу. Ой, мам, как хорошо, что ты такая у меня, а то я бы с ума сошла. – Она обняла меня.

Погладила ребенка по голове, чмокнула в щечку. Вот так новости.

– Ты только никому не рассказывай про это. Хорошо? – Заглянула ей в глаза.

– Мама, я все понимаю. – Она чмокнула меня и побежала собираться в гости.

Как и сказала бабулька Матрена, через полчаса приехал Саша. Усадил нас в свою «Ниву» и повез знакомиться с родней. Нервничала я невероятно, хорошо хоть Олю с Мишей знаю.

Дом у свекровь был большой, красивый. Потолки высокие, хороший ремонт и приличная мебель. В коридор выскочила встречать нас его мама Людмила, высыпались горошком дети, появились какие-то женщины. Все эти люди кинулись ко мне обниматься и целоваться, какая-то пытка для меня. Кое-как отбрыкалась от поцелуев и объятий незнакомых мне людей. Отдала все свои гостинцы хозяйке дома. Саша увел меня в большую комнату и усадил на диван. Катюшку увлекли куда-то дети.

Постепенно собрались все за столом. Рядом со мной уселся Саша и Ольга с Мишей, дети ели в другой комнате. Стол ломился от разнообразных кушаний, порезали на отдельное блюдечко и мой козий сыр, высыпали конфеты к другим в большую вазу. Чего тут только не было: два горячих (манты и перцы), какие-то невообразимые салаты, селедка и скумбрия соленая и

копченая в селедочницах, мясная и овощная нарезки, домашние соленые огурчики, грибочки и помидорки. Видно было, что все готовилось с любовью. Передо мной поставили рюмку.

– Саша, я не пью самогон, – тихо шепнула ему.

– А что ты пьешь? – услышала я голос его отца.

– Вино, шампанское, сидр, – ответила я и немного покраснела.

– Мать, я же тебе говорил, вино надо было достать из погреба. А ты мне: «Кто твою кислятину пить будет?» – обратился он к Людмиле.

Мне стало неудобно, ну вот надо было с собой принести свой сидр. Всегда же с собой беру то, что сама пью, чтобы людей не смущать, а тут пока прособиралась и забыла.

– Отец, Агнета будет пить компот, отстань от нее, – ответил Саша.

– Сам не пьешь и жену себе такую же нашел, – буркнул тот.

Людмила молча встала и куда-то ушла. Вернулась с тремя фужерами и бутылкой шампанского, поставила перед Сашей.

– Вам на троих с Агнетой и Ольгой, та тоже самогон не жалует, – она улыбнулась.

Александр открыл бутылку и налил нам с Олей по бокалу, а себе плеснул на доньшко, чисто символически. Все чокнулись, поздравили друг друга с праздником и выпили. За столом все ожили, повеселели и принялись уплетать приготовленные хозяйкой и ее помощницами блюда. Надеюсь, этот обед пройдет гладко.

Добрая родственница

За столом разговаривали, ели и пили. Градус в крови у некоторых членов Сашиной семьи повышался, стали разговаривать о политике, зарплатах, пенсиях, ценах и ситуации в стране. То Саша, то Оля подкладывали еду мне в тарелку, не люблю этого, девочка я взрослая и совсем не стеснительная. Тихонько попросила их этого не делать, поулыбались и поняли меня. Подъела почти все, что мне наложили, оставив пару кусочков рыбки на тарелке. Сытая, облокотилась на спинку дивана. В этот момент на меня обратила внимания полная, грузная женщина – родная сестра Сашиного отца.

– Ой, Агнеточка, что ты ничего не кушаешь? Посмотри, какая худенькая, субтильная. Какая из тебя работница-то выйдет? Как человек ест, так и работает, – сделала она вывод и улыбнулась, довольная, что меня немножко понадкусала.

– Надька, чего до девчонки докопалась? Не всем же быть такими работницами, как ты. В подсобке своей не застреваешь? – спросил ее Сашин отец и заржал, как конь, радуясь своей шутке.

Кто-то за столом тоже засмеялся. Она на меня зло посмотрела.

– Пашка, а ты вон пьешь, как в последний раз. Не стыдно тебе перед людьми? – завелась Надежда.

– А чего мне должно быть стыдно? – удивился он. – Сегодня праздник, пью дома с гостями, веду себя прилично. Ты чего прилепилась?

Она хотела ему еще что-то ответить, но ее перебила Людмила.

– Ты холодец пробовала? Олюшка приготовила, попробуй, все свеженькое, – она положила тете Наде холодец в тарелку.

Та принялась его поедать.

– Олька, так и держишь скотину разную и птицу? – переключилась она на Мишину жену.

– Держим, – ответила Оля.

– Тяжело, наверное?

– Пока справляемся, – улыбнулась Ольга.

– Береги мужика, а то свалится у тебя от такой работы. Вон, Сашка себе какую профессию выбрал, не упался, – показала она на племянника вилкой.

– Надя, ты кушай, кушай. У Сашки хорошая работа, нужная, – подложила салат ей в тарелку Людмила.

Тетя Надя взяла бутылку самогонки, и, глядя на меня, стала разливать ее в рюмки всем присутствующим, в том числе и мне.

– Ну что, Агнетка, хлопнем?

– Я не пью крепкое, – спокойно ответила я.

– В народе говорят, если человек не пьет, то он либо сволочь, либо больной. Ну так чем ты, Агнета, болеешь? – спросила меня Надежда враждебно.

– Тетя Надя, прекрати, а? – вступился Саша.

– А то что? Ты меня арестуешь? – и она громко засмеялась.

– Может, и арестую, – улыбнулся мужчина.

– Ой, боюсь, боюсь, – сказала она и опрокинула рюмку в себя.

Я встала из-за стола и отправилась посмотреть, что делают дети. Нашла их в дальней комнате, они сосредоточенно рисовали каких-то персонажей. Катюшка с удовольствием командовала парадом, поэтому-то так было тихо. За мной следом зашел Саша.

– Ты не обращай на нее внимания, она у нас та еще язва, но так неплохая тетка, – извинился он за Надежду. – Зато все остальные нормальные.

– Ну это ее личные проблемы, – пожалала я плечами, не хотелось скандалить, поэтому приходилось сдерживать свой острый язык.

Тут у него зазвонил телефон. Он коротко ответил и отправился в прихожую. Пошла за ним следом.

– Оставайся, я скоро приеду. Там мужики на кладбище подрались, поминали, а у них кто-то спер рюмки и бутылку. Они друг на друга подумали, ну и произошла драка. Сейчас я с ними поговорю и решу вопрос миром.

– Весело тут у вас, – улыбнулась я.

– Праздники же у людей, только вот у нас это самый неприятный период, – он поморщился.

Чмокнул меня и поехал на ответственное задание. Мне пришлось вернуться в большую комнату. Надежда уже докапывалась до Людмилиного родного племянника, полоскала ему мозги, что он мало зарабатывает для мужика.

– Теть Надь, за такие слова можно и по мордасам получить, – ответил ей мужчина и с угрозой в глазах внимательно на нее посмотрел.

– Ой, да ладно тебе, я пошутила. – Она от него отстала и молча принялась дальше есть.

Больше она ни к кому не придиралась и не приставала. С Ольгой мы допили шампанское, еще немного поболтали, и она отправилась ставить чайник, так как дети захотели торт. Мы с ней и с Людмилой убрали часть грязной посуды со стола. Надежда начала возмущаться, что, дескать, еще не все поели, а вы уже продукты в холодильник прячете. Хотя никто ничего не прятал, а просто все компактно разместили и убрали грязное. Ольга принялась намывать посуду.

– Ой, девчонки, какие вы молодцы у меня, – Людмила всплеснула руками. – Как мне повезло со снохами.

Я покраснела, вроде еще и не сноха, хотя ладно.

– Агнета, ты на Надю внимания не обращай, она так хорошая, но вот как выпьет, так начинает ко всем придирается.

– Ну пусть не пьет. – Я улыбнулась.

– Ну праздник же, как не пить, не каждый день вот так собираемся, – она пыталась оправдать золовку. – Да и сестра она Пашина родная. К нам еще наши родители приезжают на праздники, но в этом году решили, что нужно побереечь наших старичков.

Из зала послышалась ругань. Мы ринулись туда. Перебранка была между Надеждой и Павлом. Она вспомнила, что он в третьем классе порвал ее бумажных кукол, и смех и грех, но скандал разгорался нешуточный.

– Чай заварился, давайте есть торт и куличи. Олюшка такой торт домашний испекла, Агнета куличи свои принесла. Сегодня такой праздник большой, а вы ругаетесь, – пыталась примирить Людмила враждующие стороны.

Надежда что-то буркнула недовольно себе под нос и удалилась попудрить носик. Мы с Олей принесли чашки и блюдца, нарезанный торт и куличи, вазочку с конфетами и поднос с фруктами. Мадам вернулась с хорошо попудренным носом и сразу стала требовать, чтобы ей положили кусок побольше.

– Олька, могла бы торт украсить покрасивше, – сделала замечание Надя, ковыряя его ложечкой. – Знаешь, какие у нас торты в кондитерской рядом продают, одно загляденье.

– Привезли бы, мы тоже полюбовались, ну и сравнили, – не выдержала я.

– Ты знаешь, сколько он стоит? – она вытаращила на меня глаза от возмущения.

– Олин тоже не бесплатный, – ответила я.

– Ой, много туда продуктов, что ли, надо, ерунда. Да и делать там нечего, – махнула она ложечкой.

Тетка начала меня подбешивать, вот ведь какая неблагодарная, еще и обесценила чужой труд. Оля меня дергала за рукав, чтобы я успокоилась. Людмила прикладывала палец к губам, чтобы я не спорила. Почему-то я должна быть культурной и воспитанной, а вот тетя Надя имеет право вести себя в гостях, как хочет.

Я снова ушла к детям, они уже смотрели какие-то мультики на компьютере. Присоединилась к просмотру. Через полчаса в комнату вошла Ольга.

– Мы домой собираемся. Вас подвезти? – спросила она.

– Саша обещал вернуться, – ответила я.

– Сегодня праздник, Саша поздно будет. Поехали. Если что, сразу к тебе приедет.

Ну, если так, то и делать тут нечего. Мама Люда приятная женщина и папа у них вполне ничего, да и остальные гости отторжения не вызывают, а вот Надя портит весь компот. Мы с Катюшкой собрались и направились к выходу.

– Сашке эта не подходит, противная какая-то, торт я, видите ли, должна была привезти. Я в гости приехала. Где он ее только нашел, а Людка? – выговаривала Надя Людмиле на кухне.

– Ты моих снох не трогай. Где нашел, там таких больше нет. К сыну своему в семью лезь, а в своей я сама разберусь, – ответила резко хозяйка дома.

– Вот ты, Люда, какая, оказывается.

– Какая?

Я заглянула на кухню.

– Спасибо за все. Все было вкусно и замечательно. Поедем мы с Катюшкой до дома, – улыбнулась я, не обращая внимания на кислую толстую рожу.

– Ой, моя хорошая, – кинулась ко мне обниматься Людмила. – Как хорошо, что вы приехали. Приходите к нам почаще. Провожу вас до калитки.

Мы все вышли, распрощались и кое-как разместились вшестером в машине. Благо ребятки не много места занимают. Но я и этому рада была, все не сидеть в компании с противной тетушкой.

– Она всегда так себя ведет, обязательно поругается с кем-нибудь, поскандалит, – извиняющимся тоном сказала Оля.

– Можно же ее не приглашать, – удивилась я.

– Так их никто и не приглашает, они сами приезжают. Всегда с пустыми руками, никогда не поможет сготовить, и сама за собой и за своим мужем не убирает, – подал голос Миша.

Добрались быстро. Как хорошо дома! Завалились с Катюхой на диван и ножки вытянули.

Вечером позвонила мама Люда, спрашивала, что можно дать от рвоты – тете Наде плохо стало.

– Я же говорила, чтобы не пила, – криво усмехнулась я. – Воду давайте, активированный уголь, ну и не есть и не злоупотреблять хотя бы сутки. А лучше вызовите ей скорую, пусть ее на диету в больничке посадят.

Людмила поблагодарила меня и отключилась. Саша так и не приехал, написал сообщение, что работы очень много.

Черт и волк

Черт сидел у Матрены на кухне и почесывал задней ногой ухо.

– А ну, прекрати чесаться, окаянный, везде грязи и шерсти накидал. У-у-у, я тебе, – пригрозила бабка ему пальцем.

Есть такое у них, если показываются людям, то и цепляют на себя все прелести земной жизни: грязь и блох, ну и запахи специфические появляются. Сегодня Пасха, Матрена красит яйца, печет какие-то печенья. Сегодня у ее работников дел нет, хотя общенародные праздники для них самые сытные. Хоть она в такие дни не колдует, но столько энергии со всех сторон хлещет, успевай только пасть открывать. Опять собралась к этой новенькой. Коловерша-любимчик снова что-то у Мотри с кухни украл, она теперь за ним с полотенцем гоняется.

Волк и черт давно знакомы, с тех самых времен, когда еще Маргарита Семеновна жива была. В первый день знакомства чуть не отправили друг друга назад к воротам хаоса, но вовремя остановились. Там бы в своем мире кто-нибудь кого-нибудь давно определил в другую реальность, а тут все по-другому, еды всем хватает. Потом стали общаться, на своем ментальном уровне. Живешь рядом с людьми и привычки их перенимаешь, поэтому домовые так похожи на людей.

Волк может быть бестелесной сущностью, животным, притом любим, и даже в некоторых случаях оборачиваться человеком. У черта другая структура, другой ранг. Он и бестелесным быть может духом, и вот таким козлодоевым – люди придумали, и теперь приходится их фантазиям подыгрывать. Может на короткий срок становиться человеком. С некоторыми представителями человечества у них договор обоюдодовыгодный, они выполняют свою работу, а в обмен получают эквиваленты энергии. Но никто никому не хозяин, может и уйти, когда захочет, а то и порвать человека или с ума свести.

Матрена собрала свои манатки, уселась на новенький байк и рванула поднимать с кровати Агнету, чтобы пойти на службу с ней пасхальную. Черт, как всегда, отправился вместе с ней, сегодня можно было неплохо поразвлечься и напиться разными вкусами.

Под деревом его уже ожидал волк. Нет, это не было дружбой в общем человеческом смысле, но это было приятное времяпровождение с некоторой обоюдной пользой. Надо было дожидаться, когда тетки отправятся в церковь, и тогда можно было действовать. Где-то через полчаса наши дамы вышли из дома и чинной благородной походкой направились по дороге. Еще было рано для задуманного, но можно было полетать от одного жилья к другому, послушать разговоры, словить эмоции.

В праздники люди не только радовались, но и ругались между собой, тосковали и грустили. Все эти эмоции были намного сильнее, чем в обычный будний день. Сущности нахapaлись, налопались и дождались, когда закончится служба. Вместе с некоторым народом отправились на кладбище.

Выбрали себе жертв. Две тетки, вероятнее всего сестры, пришли поминать свою то ли маму, то ли бабушку, то ли тетю. Черт прикинулся старичком и уселся около соседней могилки на лавку. Волк отвлекал дам на себя. Они вытаскивали все из пакетов и разговаривали между собой. На столе появилась бутылка водки, два стаканчика, пасхальные яйца, кулич, бутерброды и пирожки.

– Ой, собачка, как она на нас смотрит, – начала одна из сестер.

– Фу, какая страшная псина. Дай вон деду что-нибудь на помин, сидит, старикашка, даже не принес с собой ничего.

Сердобольная женщина вынула из пакета яйцо и конфеты. Подошла к старику и протянула ему помин.

– Христос воскрес, помяните рабу божью Алевтину Семеновну.

– Воистину воскресе, – старик закашлялся. – Пусть земля ей будет пухом. – Он сунул яйцо и конфеты в карман.

Она вернулась к могилке. На памятнике сидела покойница Алевтина и ругалась на своих детей нехорошими словами.

– Мне помин принесли, раздаете чертям всяким, сейчас сами еще все сожрете. Вы сюда что, жрать пришли? Хоть бы раз со мной поговорили, а то «здравствуй мама» и «прощай мама», – злилась она на них.

– Нет, я так не могу, эта собачка так на нас жалостливо смотрит, все же дам ей пирожок, – к волку подошла сердобольная дама и протянула ему выпечку.

Сестра стала на нее ругаться. Пока они препирались и отвлекались на волка, старикан встал со своей скамеечки, прихватил бутылку, сунул рюмки в карманы. Зацепил пакет с пирожками и исчез в неизвестном направлении. Бабенки обернулись, а бутылки-то нет и закуска поредела.

– Так вам, дурындам, и надо, – захихикала покойница, – нечего на кладбище пить.

– Вот ведь какие ушлые людишки, – возмутилась вторая сестра. – Мы к нему с добром, а он у нас бутылку спер.

Но этого было мало нашей компании, они хотели еще и кулича попробовать, и яиц крашенных. С этим не пришлось никого облапошивать, просто взяли помин с чьей-то могилки. Со своей добычей отправились они под дерево к волку. Только выпили по одной и сели закусывать, как из-за калитки появилась бабка Матрена. Она терпеть не могла, когда вот так вот черт развлекается. Хоть и сделать ему ничего не могла, но и ругалась так нудно, так противно, что молоко сворачивалось в кринке. Пришлось все срочно прятать.

Проводил бабаньку до дома и назад вернулся для продолжения банкета. Волк плечами пожимает, дескать, упала бутылочка, и вылилось из нее все, даже капельки не осталось. А у самого глаза такие хитрые-хитрые. Делать нечего, надо идти снова на промысел, заодно можно и похулиганить, пьянчужек между собой поссорить.

Вернулись на кладбище, а там парочка сидит мужичков, кореша своего поминают. Одну бутылку почти допили, а вторая в пакете стоит. Ну что же, коронный номер – слепой дед с собакой. Дошли до мужиков, старик из кармана рюмку вынимает.

– Не побрезгуйте, угостите слепого беленькой за помин души вашего друга.

Поморщились, но плеснули чуть-чуть на доньшко, даже закусить ничего не дали. Пока морды кривили, глядя на старика, волк спер пакет с выпивкой.

– Ну все, батя, иди, иди отсюда, – вытолкал один парень слепца за оградку могильную.

– Спасибо вам, люди добрые, мира вам и добра, – поклонился им дед и ушел по тропинке.

Только вот уходить далеко не стали. Сели около какой-то могилки и приготвились смотреть. Заодно и бутылочку решили раздавить на двоих. Мужички-то свое допили и за добавкой полезли, а пакета-то нет.

– Ты куда дел пузырь? – спрашивает низкий высокого.

– Да вроде все с собой брали, – удивился второй.

– Опять как в прошлый раз закрысил?

– Ты чего? В прошлый раз не специально это было.

Слово за слово, да пошла жара. Метелить друг друга начали и ругаться матерно. Вот черт с волком повеселились, культурно отдохнули.

Понедельник – день тяжелый

Утром Матрена прислала фотографию и данные по новой клиентке. Попросила посмотреть ее в течение дня. Видно, решила пока ко мне никого не посылать напрямую, а чтобы вся работа велась через нее. С одной стороны, так оно и лучше, не страшно накосячить, а с другой – не задашь наводящих вопросов.

Написала своему шефу интернет-магазина запрос на повышение зарплаты. Обещал подумать. Ну что же, пусть думает. Что-то работы становится больше, а оплата остается прежней. Заплатила за газ и свет. Надо звякнуть Ольге и узнать, где они покупают комбикорм для живности. Козы с курами сейчас хоть и на подножном корме, но все же надо добавлять и прикормку.

В обед приехал Саша, привез контейнер с Олиным тортом, который она пекла на праздник. Сказал, что праздники – это не про него, народ пьет, гуляет, а потом происходят всякие страшные вещи. Тетю Надю увезли в больницу ночью. Ей стало совсем худо, не знала, какой стороной к фаянсовому изделию повернуться, то ли лицом, то ли необъятным сидалищем. Кричала, что это все Олька виновата, тортом ее отравила. В инфекционку ее не взяли, сейчас она закрыта на специальный режим. Попала в отделение хирургии с диагнозом острый панкреатит и холецистит. Сказали, что на голодной диете придется сидеть не меньше трех дней.

– Агнета, мне нужно с тобой серьезно поговорить, – сказал Саша и внимательно на меня посмотрел.

Внутри у меня все съезжилось колючим ежиком: ну вот, опять.

– Тетя Надя – это моя родственница, я все понимаю, вела она себя некрасиво, но не надо было этого делать.

Вот тебе и Лелик с Боликом. Это он чего, думает, что я тут замешана?

– Чего делать, Саша? – Я поджала губы, мысленно вытащила из-за спины саблю.

– Это же ты на нее что-то навела?

– Конечно, Саша, это я, ты совершенно прав, это моя работа. Твоя тетя Надя ела и пила, как не в себя, словно первый раз в своей жизни еду увидела. Как в нее вообще все это поместилось? Таким количеством еды можно было накормить маленькую негритянскую деревню и напоить десять бомжей. И в ее бедах виновата кто? Правильно – Агнета. Может быть, Агнета виновата в ее лишнем весе или одышке, или венах с палец толщиной, или в ее гнусном характере? А, Саша? – тихо проговорила я.

– Мне не нравится, когда ты так разговариваешь, – ответил он и посмотрел на меня исподлобья.

– А я, Саша, в полном восторге, я тащусь от этого балагана. Меня, значит, устраивает то, что ты мент, а тебя не устраивает то, что я ведьма. Ну извиняйте, другого нема, – я развела руками.

– Твой бывший муж меня предупредил, – сказал он.

– Так и я тебя могу предупредить: будешь любить меня и лелеять – все у тебя будет пучком. А будешь меня обижать и унижать, то я тут ни при чем, отойду в сторонку и даже пальцем не пошевелю, ни для наказания, ни для спасения.

– В смысле? – он удивленно на меня посмотрел.

– В коромысле. Никогда ни на кого не навела я порчи и не буду до этого опускаться. А то, что людям прилетает ответочка за то, что они меня обижают, так закон кармы еще никто не отменял, – ответила я и пожала плечами. – Все, Саша, считаешь, что я враг номер один, и что твоей тетке я навредила, а не ее неумный аппетит, то не держу я тебя. Более оправдываться не собираюсь пред тобой, иди давай. До свидания.

– Хорошо, я тебя понял, – он развернулся и пошел на выход. – Всего доброго.

Закрыла за ним дверь, и от обиды и от злости расплакалась. Ишь, барин какой нашелся, виновата я в том, что его тетка-обжора заболела. Хотя так ей и надо, всех обидела, так еще и с Сашкой из-за нее поссорилась, пусть недельки две посидит, здоровье поправит. Фыркнула, вытерла слезы и пошла чужую жизнь и судьбу смотреть.

Настроилась, почитала про барышню, посмотрела на фото. С карточки на меня смотрело изнеможенное лицо древней старушки, было непонятно, сколько ей лет вообще. Казалось, что лицо и голову покрывает серая вуаль из тонких ленточек-морщинок, которые впились в кожу и тянут из нее последние силы. Меня прямо передернуло от этого сравнения. Разложила карты, а там непонятно что творится. Словно взяли из каждой коробки разных пазлов и перемешали их, а потом предложили новую картинку сложить, ровенькую. Сижу, смотрю на это все и понимаю, что ничего не понимаю.

Беру снова ТЗ на барышню, и тут ловлю себя на мысли, что не вижу ее дату рождения. Цифры то ли в глазах, то ли на экране плывут. Лупу взяла, все равно не вижу. Попросила робота Алису мне прочесть, а у нее там что-то замкнуло, и она мне чего-то нечленораздельное прочитала. Ну ёперный театр, ну как так-то. Достала оракул и стала по одной карте вытаскивать и вопросы простые задавать по этой женщине. Только не те, что мне Матрена прислала. Спрашивала, можно ли мне ее посмотреть или нет, что с ней такое и все в таком же духе.

Вот только выводы странные я сделала, смотреть можно, но не посмотришь, она жива, но уже в мире мертвых. Вот так загадки. Мне карты Таро нравились всегда за короткий прямой ответ, а оракул и того подавно. Развела я руками и отправила все свои выводы Матрене, и про фото написала, и про карты, и про ответы. Ну не всеильная я, и такое бывает.

Через пять минут мне Матрена ответила, что, дескать, мыслю я в правильном направлении. Для таких целей нужно смотреть карты на магический негатив. А я такого никогда и не делала. Бабулька предложила мне в старых записях порыться, глядишь, и найдешь что-нибудь.

Выгребла все тетрадки, полистала всякое-разное и нашла то, что нужно. Тетрадь была сильно потрепанной и затертой. Записи в правках и в заметках на полях. Надо будет потом все перенести на цифровой носитель, и переписать от руки все заново, а то, глядишь, не сегодня завтра все рассыплется.

Карточные и оракульные расклады так и лежали на столе. Перед поисками не стала все убирать. Когда открыла тетрадку, пазлы стали складываться в идеальную картинку. Вон оно, оказывается, что творится. Погостное колдовство, сделанное на смерть, легло тяжелой каменной плитой. Женщине осталось совсем ничего, она не то что одной ногой в могиле, она уже может музыку себе похоронную заказывать. За всем этим стоит кто-то очень близкий и родной. Все сделано корысти ради, а не из мести или от обиды большой.

Отправила отчет Матрене. Сразу она не ответила и даже не прочитала, видно, занята была. Через час прилетело сообщение: «Даже и не думай, ей уже не поможешь, а себя погубишь». Почувствовала себя хирургом, к которому привезли пациента, а он помочь ничем не может, потому что даже до операционной его не успеют довезти.

Спросила, будет ли она женщине говорить про порчу и про близкого человека, который это все на нее навел.

– Нет, не стану. Посоветую ей завещание на дочку оформить и с дочерью попытаться отношения наладить.

– Так это же ее работа и есть, – ахнула я.

– Пусть ее потом после материной смерти совесть помучает, да покойничек с нее с того света спросит. Ну и на род это ляжет тяжелым грузом. Денежками материными поживится, а все остальное потеряет, – ответила Матрена.

– А может, все-таки попробовать? Ну не получится, так не получится, – спросила я.

– Девка, это тебе что, кружок ажурной лепки? Не получилась фигурка из пластилина, скатаю все в комок и снова переделаю. Даже пластилин со временем пачкается и рассыпается, а

тут она решила в магию поиграть. Не боишься, что комок к тебе прилетит побольше и залепит все, что можно, и все, что нельзя?

– Может, молитвы какие-нибудь ей дать? – не унималась я.

– Все я ей дам, успокойся. Но ты не лезь, не твоих способностей и не твоего ума это дело.

Умеет Матрена убедить – нельзя, так нельзя.

Сирень

Получила от Матрены за свой расклад деньги, хотя написала ей, что за него платить ничего не надо, все равно перевела. От Петра, хозяина дома, получила сообщение, что он записался в МФЦ на одиннадцать часов утра. Хорошо, значит, меня завтра ждет особенный день.

Вечером написал Саша, спросил, во сколько за мной завтра заехать, собирались за обоими. Ответила, что вроде как мы поговорили, и нет смысла при таких вводных данных друг другу мозги любить, к тому же у меня завтра на утро свои планы. Пять минут не отвечал, потом перезвонил, нес какой-то сумбур, ничего не поняла.

– Ладно, все, потом, – ответил он и отключился.

Через пятнадцать минут кто-то начал названивать в дверь. Маруся с радостным лаем побежала встречать позднего гостя. Проша отправился за ней вразвалочку. Открываю калитку, а за ней стоит огромная охапка сирени. Притом цветы все разные: белые, сиреневые, темно-сиреневые, лиловые, махровые и обычные. Кто-то ободрал все окрестные кусты сирени, запах стоит сногшибательный.

– Это тебе, – говорит букет сирени Сашиним голосом. – Бери, у меня там еще кое-что есть.

Товарищ думает, что сейчас меня цветами задобрит, и я растаю, а вот фигурки, Агнету так просто не успокоить. Саша залез в машину и вынул миску с готовым горячим ароматным шашлыком с зеленью и луком, бутылку белого вина и хорошие шоколадные конфеты. Нет, побить букетом я могу его и в другой раз, а сейчас побуду доброй.

– Мама опять передала? – потянула я руки к мясу.

– Нет, батя, – рассмеялся он. – Ставь цветы в воду, зови Катюшку и тащи приборы. Будем мясо дегустировать.

Пошла с цветами в дом.

– Агнета, – окликнул он меня, – прости меня, прости, что-то я сглупил, ляпнул, не подумавши, сутки были тяжелыми, вот меня и понесло в неведомые дали. Сам не понимаю, что на меня нашло, – извинялся он.

Позвала дочь, Саша помог вынести посуду на улицу. Я поставила сирень в вазу на стол в беседке: чего добру пропадать в доме, будем здесь любоваться. Катюшке открыли компот. Налили в бокалы вина. В вечернем саду стрекотали сверчки, жужжал припозднившийся шмель, где-то звенели комарики. Поставили от них спиральку, чтобы не докучали.

– Приехал вечером домой, а батя шашлыки жарит, гостей кормить надо чем-то. Мамка за ночь с тетей Надей умаялась, не в состоянии была всех обслуживать. Я у них половину кастрюли и приватизировал, свою порцию, твою порцию, Катюшкину порцию и Надину. – Он засмеялся.

– У вас еще гости не уехали? – удивилась я.

– Нет, приезжают обычно на неделю. Мамка заранее пельмени лепит, манты, перец фарширует, тефтели делает, чебуреки. Все в морозилку. Оля вот торты печет, ну и колбасками и мясом может помочь, но у нее своя семья. Вы торт-то съели?

– Нет, – ответила я.

– Ешьте, он нормальный. Он не виноват, что тетке стало плохо, – он замолчал и посмотрел на меня внимательно. – И ты не виновата. Она сама себя до такого состояния довела.

– Давай будем наслаждаться чудесным блюдом и тетку твою пока оставим в покое. Не будем портить аппетит.

Потом Саша рассказывал, как он ездил на кладбище к дебоширам, которые устроили там потасовку. Мужики сказали, что, наверно, у них водку неместный дед слепой с собакой спер.

Специально из города приехал на сельское кладбище обирать несчастных поминальщиков. Так он это все в красках расписывал, что мы с Катюшкой посмеялись от души.

Катя зацепила несколько конфет из коробки и ушла к себе в комнату. Мы остались с Сашей вдвоем, вернее, вчетвером. Маруся сидела под столом, манящая запахом мяса, а Прошка пристально следил за женщиной. Сначала я подумала, что он так же, как и собака, ждет мяса, а потом поняла, что дело нечистое.

– Саша, встань, пожалуйста, – попросила я его, – и выйди на свет.

Он вышел из-за стола. Покрутила колечко на пальце, настроила фокус. Так и есть, сидит жирная пивка на защите и пытается ее прогрызть. Вытащила из букетика веточку сирени и так по ней шпок, а она раз, и – шмяк на землю и рванула в сторону дома. Ну, от Проши еще ни одна закуска не уходила, словил и схрумал. По морде видно, что маловато, но, дорогой, чем богаты, тем и рады.

– Ну теперь, Саша, рассказывай, как твои сутки прошли. Я так понимаю, ты не стал особо при Катюшке распространяться.

– Про кладбище я уже рассказал. Было несколько вызовов на кражу куличей и конфет, жалобы на соседей, что им двери не открыли, когда они пришли христосоваться. Женщина своего мужа избилла, сломала ему несколько ребер, – рассказывал он.

– Это как это? – поинтересовалась я.

– А вот так. Мужик сказал, что поехал в командировку, а сам к соседке под бочок на недельку. Она к соседке зашла с праздником поздравить, а там ее благоверный сидит в труселях. Ну, она его и оприходовала всем, что под руку попало, ну и соседке прилетело.

– Веселая работа у тебя. Все случаи у нас в деревне? – рассмеялась я.

– Тут вся округа моя, хутора и деревеньки. Так что не весь криминал у нас. Не такая уж и веселая работа. Мой одноклассник свою мать и жену порубал топором этой ночью. Благо дети были в гостях у другой бабушки. Мужик хороший, семьянин, зарабатывает прилично, не пьет, не курит. Мать лежащая, за ней ухаживает. В городе работу перспективную бросил, переехал с семьей сюда, чтобы за матерью смотреть. На удаленке устроился проектировщиком. А тут непонятно, что на него нашло. – Саша поджал губы и отвернулся.

– Как так? – ахнула я. – Насмерть?

– Пока обе живы. Брат его из города приехал с женой, он полгода назад вышел из мест не столь отдаленных. Приехал на праздник. Брат и вызвал полицию. Они с женой до нашего приезда прятались в сарае. А Толька в коридоре сидел с топором в руках, невменяемый, ответить ничего не мог. Там все в кровище было. – Ему было тяжело говорить.

– И куда его? – спросила я.

– Приехали ребята из города, это уже их работа, не моя. Его сначала на медосвидетельствование, потом СИЗО, а там, как следствие решит.

– Жуть какая. Вот что алкоголь с людьми делает, – покачала я головой и отпила глоток.

– Ты думаешь, это все? – усмехнулся он.

– Еще что-то было?

– А то! Сюрприз меня дома ждал. Думал, заеду домой, позавтракаю, душ приму, переоденусь, подремлю полчаса. Еще нужно ведь все бумажки оформить рабочие. А там фонтан – тетя Надя, и мать с тряпкой и ведрами, не успевала за ней убирать. Та в перерывах еще орет, что ее отравили и порчу навели мамкины снохи. Хоть бы сидела в туалете с ведром и не выходила, а то, как специально, не успевала добежать. Скорую вызвали, а там говорят, машина только через полтора часа будет, если есть возможность, везите ее в больницу своим ходом.

Застелил авто и погрузил ее. Останавливались каждые пять минут. Орала она как резанная, что вся наша семейка ведьминская, и это мы от зависти сделали. За полтора часа добрались до инфекционки, а там особое положение, ее не взяли, отправили в первую горбольницу.

Довез и оставил там, сил моих не было с ней возиться. Она мне на обратном пути всю дорогу звонила.

– Наверно, у вас никто не выпался?

– Брат двоюродный с семьей и с моим сыном в мой дом ушли. Отца пушкой не добудишься, а теткинemu мужу вообще наплевать было. Мамку только жалко. Я в девять утра только домой приехал. Еще и от начальства получил, что отчет по вызовам не сдал.

– Ты хоть спал сегодня? – спросила я.

– Час во время обеда, – усмехнулся он. – А что ты с меня сняла?

– Пиявку какую-то, наверно, от тетки зацепил, когда она фонтанировала. – Я пожалала плечами.

Мы еще немного поговорили.

– Агнета, душа моя, пойду домой, моя хорошая, устал я. Прости меня еще раз, не знаю, что на меня тогда нашло. – Он поцеловал мои руки.

Проводила его до машины и отправилась домой спать.

Ожидания и волнения

Будильник на телефоне пропел какую-то неприятную мелодию. Вот с вечера ставишь любимую песню на него, а утром она почему-то становится какой-то вот сильно не очень. Эффект будильника – хочешь, чтобы твоя любимая песня тебе стала противной, поставь ее на утренний подъем. Но легкое раздражение от раннего подъема улетучилось после мыслей о том, что сегодня у меня предстоит важная сделка – покупка моего волшебного терема.

Пять минут решила немного поваляться в утренней неге, поблаженствовать. От Саши пришло сообщение с пожеланиями доброго утра и с вопросом о том, во сколько мне надо быть в городе. Написала, что к одиннадцати. Обещал заехать за мной к десяти часам, у него там дела. Обрадовалась, что не надо тащиться на остановку, завернулась в одеяло и решила еще поспать часик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.